

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ПРЕДСЛАВА — КНЯЖЕСКАЯ ДОЧЬ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат литературных премий, профессор.

Грустила Предслава, дочь киевского князя Владимира, сидя у окна светлицы. Смотрела на сад, на спуск с Горы, на которой раскинулся княжеский терем, на протекавший вдали Днепр, воды которого спешат далеко-далеко, где сражается с врагами земли русской Любомир, славный гридень ее отца.

Семнадцать лет Предславе, и душа наполнена любовью, грустью и бедой.

Трудная жизнь родителей сказалась на детях. Иначе и быть не могло. Когда-то в борьбе двух князей — новгородского Владимира и полоцкого Рогволода — новгородцы разбили полоцкое войско, убили князя и его сыновей.

Княжеская дочь Рогнеда оказалась пленницей. Пыталась убить Владимира, этого сына рабыни, возмечтавшего, чтобы княжна стала ему женой. И совсем не думала, что полюбит князя и, по славянскому обычаю, разует его.

Владимир же, увидев красавицу княжну — светловолосую, с голубыми глазами, выдававшими в ней дочь Севера, — сам влюбился и позвал за собой в Киев, который спешил отвоевать у вероломного брата Ярополка.

От ночного безумства, охватившего молодые тела Владимира и Рогнеды, родился сын Изяслав.

Покинув возлюбленную пленницу, Владимир разбил Ярополка и стал киевским князем.

Он покорял земли и воинов храбростью и удальством, а женщин — мужской силой и красотой. Высокий и статный, с глубокими, все понимающими глазами, с мягкой и доброй улыбкой, с проникающим в уши и сердце голосом. Перед ним не могла устоять ни одна женщина, не устояла и оставшаяся вдовой жена Ярополка, красавица-гречанка Юлия. Да и Владимир не удержался от женских чар, назвав и ее, вслед за Рогнедой, своею женой. Тогда языческому князю не возбранялось иметь множество жен и наложниц. И детей у него было много. До Изяслава рос уже в княжеском доме старший сын Вышеслав.

Гордая Рогнеда вынужденно терпела соперниц. Она любила и была счастли-

ва, когда муж призывал ее к любви. От этой любви родились сыновья Мстислав и Ярослав.

Вела Рогнеда хозяйство княжеского дома, воспитывала сыновей, ждала мужа из военных походов. Однажды, возвратившись с очередной победой, поведал князь Владимир жене, что в далекой стране стал христианином, примирился с византийскими императорами и, чтобы те — хитрецы-обманщики — не изменили договору с Русью, женился на Анне, сестре императора. Скоро законная супруга русского василевса, как титуловали Владимира в Византии, прибудет в Киев, преодолев на ладье долгий путь, а Рогнеде придется вместе с детьми покинуть княжеский терем. Однако князь, любя ее и заботясь о детях, дарит бывшей супруге село Предславино и свою последнюю мужескую милость.

Милость последней не была. Она породила дочку, названную Предславой, а позже, время от времени, дарились и другие милости, от которых появился на свет Всеволод.

Предслава вспоминала детскую жизнь в селе, в котором родилась.

Оно раскинулось на берегу живописной реки, местами напоминавшей своими изгибами шею лебедя и от того, наверное, называвшейся Лыбедью. Бревенчатый высокий дом скрывался за дубовым частоколом. Рядом с домом раскинулись хозяйственные пристройки, огород и сад. Конечно, были у княгини слуги, помогавшие вести хозяйство, и дружинники, оберегавшие ее семью. Но Рогнеда, с детства привыкшая вникать во все домашние дела и неустанно трудиться, сама занималась хозяйством, приучая к этому маленькую дочку.

Рано утром выбегала Предслава во двор, подлетала к матери, которая, казалось, отсюда и не уходила, целовала ее и начинала кормить кур и уток. Старшие братья — Изяслав и Мстислав — часто уезжали на ловы и похвалялись охотничьими трофеями, а Ярослав — любимый Предславин брат — много читал, размышлял и рассказывал сестре о подвигах русских воинов.

Брат и сестра дружили, играли в защитников земли русской, бегали на речку. Бросались в мягкие волны Лыбеди, охлаждавшей детей после бешеного бега.

— Ярушко, я дальше тебя заплыву. Попробуй, догони,— зазывно кричала сестра, опередив брата и кидаясь в речные волны.

Конечно, он мог ее догнать и перегнать, но щадил силы и самолюбие любимой сестры.

— Славинька,— предлагал он новое развлечение,— пойдем по ягоды. Я место ягодное знаю. Матушку угостим.

— Ярушко, а почему матушка грустная и плачет иногда?

— Грустит она по батюшке, он что-то давно не приезжал.

Однажды вечером Предслава, увидев плачущую мать, подошла к ней и спросила:

— Ты что, матушка, плачешь?

Мать прижала девочку к себе, поцеловала, стала разглаживать ее волосы.

— Как ты на меня похожа, Славинька. Вырастай красавицей. Полюби князя верного, стань ему доброй женой.

Не все могла понять Предслава, только чувствовала: материнские слезы от одиночества и горя.

Скоро после этого разговора изменилась их жизнь. Приехал отец, долго беседовал с матушкой. Спорили о чем-то непонятном. Предслава слышала, как кричал отец:

— Ты понимаешь, что я обязан защитить княгиню Анну и детей наших? Ревнует она, требует, чтобы ты уехала подальше.

— О ней ты думаешь и о детях ее? А я? Из-за тебя я осталась без отца и братьев. Защитить меня некому. Теперь ты требуешь, чтобы исчезла из твоей жизни. А как же наши дети?

— Подумаю я о них, Рогнеда. Не оставлю.

Вроде бы помирились, и пошел князь отдохнуть в Рогнедину светлицу. Что там произошло, Предслава не знает. Много позже Ярослав рассказал ей тайное: мать попыталась ножом убить отца, тот увернулся, и сам изготовился поразить ее мечом. Тогда-то в светлицу ворвался Изяслав, встал, сжав руки в кулаки, между родителями и гневно крикнул: «Убей и меня, отец, чтоб не было свидетелей этого злодейства». Не выдержал тот сыновнего взгляда, развернулся и умчался в Киев. А через несколько дней прибыл от него посольный с княжеским наказом.

— Повелел великий князь Владимир тебе, Рогнеда, вместе с сыном Изяславом отправиться в город северной земли Изяславль. Остальных детей — Мстислава, Ярослава, Всеволода и Предславу он забирает в Киев, будут жить в его тереме.

— Когда же повелел мне князь ехать?

— Сейчас и отправляйся.

Ничего больше не спросила Рогнеда у посольного. Собрала небольшие пожитки, переговорила с Изяславом, простилась с детьми и навсегда пропала с глаз Предславы, оставшись в ее сердце сильной и гордой, любящей женой и матерью. Уезжая со старшим сыном, не знала Рогнеда, что непраздна и носит под сердцем новую жизнь.

Родится у нее дочка. Гориславою назовет ее Рогнеда. Станет девочка последним утешением матери, да недолго проживет на земле. И с отцом не увидится.

Так Предслава возвратилась в отцовский дом. Нерадостен он для маленькой княжны. Отец — всегда занятый, в постоянном попечении о русских землях, мать далеко в северных краях, мачеха — холодная красавица Анна — занята своими сыновьями, Борисом и Глебом. Нет у нее сердца для чужих детей. Братья, сумевшие сойтись со сводными, заняты воинскими доспехами и мужскими занятиями. У каждого из них есть воспитатель, который учит скакать на коне, биться врукопашную, охотиться на крупного зверя. А княжеская дочь — одна, бродит по терему, никому не нужная, никем не любимая.

Однажды привезли с охоты раненого Ярослава. Крепко поранил княжич ногу и с тех пор охромел. От воинских занятий не отказался, но еще больше углубился в чтение мудрых книг. Братнина хромота снова их сблизила.

— Ярушко, была бы я птицей, улетела бы к матушке. Прижалась бы к ней, горемычной. Нет мне места в отцовом тереме, да и сердце его для меня закрыто.

— Ну что ты, Славинька? Любит он тебя. Говорит: ты на матушку похожа. А и действительно. Матушка наша красивая была — статная, высокая, глаза сияли звездами, волосы светлые по плечам растекались, как реки. Какая она теперь? Брат Изяслав стал совсем взрослым, девятнадцать ведь ему. Мстислав-то на четыре года брата младше, а уже настоящий воин — удалый да сильный, никто лучше него копьем да мечом не бьется. Эх, нога меня подвела!

— Не тужи, Ярушко. Ты тоже — сильный и ловкий, даже с такой ногой. А уж ум у тебя — ни у кого такого нет. Быть тебе первым князем.

— Нет, ладушка, первым князем будет Борис. Он — сын византийской царевны, а отец желает мира с Византией. Из-за этого нашу семью разрушил, мать сослал. Никогда этого не прощу! Изводит себя, да поделом ему.

— Что ты говоришь? Он ведь нам отец кровный, мы в его доме живем.

Горько на душе у Предславы, обида княжну изводит. Не ее одну, все Рогнедины дети мучаются несправедливостью, свалившейся на них. Только не знают, что еще большее горе ждет впереди.

Вскорости пришло известие из далекого Изяславля о смерти Рогнеды. Не стало больше матери у детей, некому прижать к груди, молвить слово доброе, защитить от бед и неправды. Горевал и великий князь. Собрал он детей своих в трапезной, чтобы успокоить. Глянул на дочь Предславу и залился слезами:

— Всегда любил я, дети, вашу мать, жену мою Рогнеду. Судьба нас развела. За то и страдаю.

Молчали сыновья, оглушенные горем. Не нашли они в своих сердцах добрых слов отцу. Только Предслава промолвила:

— Батюшка, не убивайся так. И тебя матушка любила. Помню, как плакала она от тоски по тебе. Надо жить, батюшка. Ты — князь, под твоей защитой земля русская.

— Ох, Предслава, говоришь ты, как мать. Всегда меня Рогнеда понимала, всегда помнила, сколь тяжек мой земной путь. Вам, сыновья мои, пора становиться княжескими помощниками. Думаю отправить вас в города русские: будете со мной Русью управлять.

Князь Владимир больше ничего не сказал, повернулся и вышел.

— Так, — с обидою в голосе произнес Мстислав. — И нас подальше услать хочет.

— Мешаемся мы, видно, в доме его, — поддержал брата Ярослав. — Он и Всеволода отправит землями управлять?

— Ты думаешь, я не смогу? Я всего-то на три года тебя младше! — отвечивал младший брат.

— Братья, не спорьте, — повелел Мстислав. — Нам вместе держаться надо. Если отец не хочет жить с нами, поедem к Изяславу. Гориславу увидим. Какая она, сестра наша, что растет без отца и без матери?

На том и порешили. Да забыли, что все в киевских землях делается по велению князя. А князь, желавший примириться с Рогнедиными детьми, не знал, как это сделать. Понимал: виноват перед ними.

Месяца через два повелел всем сыновьям собраться в Золотой палате. Приехал Изяслав со скорбной вестью: умерла маленькая Горислава у него на руках.

Золотая палата княжеского дворца служила важнейшим событиям. Здесь советовался князь с боярами и воеводами, принимал иноземных послов, вершил людской суд. Сверкали серебром и золотом висающие на темных рубленых стенах доспехи, стояли у стен знамена русских князей — Игоря, Святослава, Владимира. У дальней стены на помосте возвышались два кресла с резными поручнями. На одном из них восседал Владимир. Другое когда-то занимала Рогнеда. Теперь это место княгини Анны, но княгиня в Золотой палате не появилась.

Братья стояли в задумчивости. Зачем их вызвал отец?

Молчали бояре, ожидая княжеского решения. Бояре и воеводы из всех детей князя Владимира особенно привечали Бориса и Глеба. Понятно, один — наследник отца, и второй может стать таковым. Молчал и Добрыня — дядя князя по материнской линии, когда-то его воспитатель, а теперь — первый советник и помощник в военных походах. Всех Владимировичей любил Добрыня, только вида не показывал, поскольку мальчишкам суровость нужна, а не ласка.

— Собрал я вас, чтобы совет держать и решение принять, — начал говорить князь Владимир. — Трудные времена мы переживаем. Много сил и лет я потратил, чтобы укрепить русскую землю. Но теперь одному мне не справиться. Хочу направить вас, сыновья мои, в разные края. Будем вместе управлять. Хочу, чтобы вы честно правили и жили друг с другом в дружбе. Матери у вас разные, да отец один. Каждый из вас мне люб и дорог. Согласны ли вы помочь?

— Согласны, отец. Коли нужна поддержка, мы готовы. И куда же нам ехать? — спросил Изяслав.

Об Отечестве думал князь, да о сынах своих. И теперь желал речь вести так, чтобы запала она в молодые души. Говорил спокойно, строго глядя, тщательно подбирая нужные слова.

— Думаю я так: в Новгород поедет Вышеслав. Когда-то новгородцы меня приня-

ли, с ними я начинал княжеский ратный путь. Изяслава хочу направить на родину матери — в Полоцк. Жители Полоцка с радостью примут сына Рогнеды — любили ее там и чтили за ум и храбрость. Ярослав поедет в Ростов. Там нужен рассудительный княжич, умеющий убедить и договориться. Глеб отправится в Муром, Святослав — в земли древлян, Всеволод — на Волынь. Волынские бояре просили меня назвать их город Владимиром. Пусть будет так, и поедет Всеволод во Владимир Волынский. Мстислава ждут в Тмутаракани. А Святополк — племянник мой, которого назвал я сыном своим, отправится в Туров. Так порешил я, дети мои.

— А куда же поеду я? — спросил Борис.

— Ты, Борис, останешься со мной. Будешь в Киеве помогать. Мне уже трудно княжескую дружину в походы водить, на тебя надеюсь.

— Княже, дозвожь и мне спросить, — вступил в разговор Добрыня. — Не пойму, как малолетние сыновья твои землями управлять станут?

— Пестунов посылаю с ними. Пусть помогают до взросления малых сынов моих. Будут им добрыми воспитателями, как ты когда-то меня растил вместо отца моего, князя Святослава, жизнь свою в походах проводившего. Ты, Добрыня, будто забыл об этом? А я помню и прошу тебя отправиться в Новгород. По старой памяти там тебя примут, а с тобой и Вышеславу легче справиться с новгородской вольностью.

Молчали сыновья. Одни радовались, предвкушая освобождение от отцовского надзора и самостоятельную жизнь, другие сомневались, надо ли так откровенно извлекаться от них. Печалился Глеб: ему вовсе не хотелось уезжать от отца и матери, нежно им любимых. Печалился Борис, считая, что он ничуть не хуже братьев и способен, как они, отправиться в дальние края.

— А что будет с Предславой? — спросил Ярослав.

— Дочери до замужества живут в отцовском доме, и Предслава по-прежнему будет жить в княжеском тереме. Коли вопросов больше нет, идите и собирайтесь в дорогу.

Выйдя из Золотой палаты, Ярослав направился в светлицу сестры, чтобы поведать ей о скором отъезде из отцовского дома. Вечерело рано, Предслава сидела в полумраке и смотрела на огонек свечи, да на тени, возникавшие на стене.

— Славинька, родная моя, уезжаю я с братьями. Отправляет нас отец в разные края. Не хочет он видеть нас рядом с собой, не хочет, чтобы мы вместе держались. Я в Ростов еду, взял бы тебя с собой, да отец не отпускает. Говорит: будешь в тереме жить, пока не найдется тот, кого разуть тебе придется.

— Ох, братец, как же мне без вас жить? Княгиня Анна — женщина жесткая, не любит меня, я ей Рогнеду напоминаю. Матушки нет, а она вся ревностью исходит. Уж и стараюсь на глаза ей не попадаться, — Предслава заплакала. — Нет мне счастья. Куда податься? Молюсь, прошу Господа, чтобы забрал меня к матушке. Встретилась бы я с ней.

— Ну что ты, Славинька, печалишься? Потерпи немного. Закреплюсь в Ростове и возьму тебя к себе. Никто нас разлучить тогда не сможет.

— Знаешь, Ярушко, ко мне матушка во сне приходила, просила, чтобы я отца простила и помогала ему, как она прежде.

— А про нас матушка говорила?

— Горюет, что не может нам помочь. Скучает сильно об Изяславе. Говорит: отец никогда не простит ему, что за нее вступился. Уверена в Мстиславе. Он, говорит, славный воин. Тебя называет добросердом. Бойтся, как бы Всеволод не стал, как отец, женолюбом. Без матери мальчик растет, без женской ласки, станет искать ее по свету.

— А про то, что Горислава ушла на небо, матушка знает?

— Конечно, матушка смотрит на нас с неба: все знает. И с Гориславой встрети-лась на небесах. Вот я и думаю: раз я никому здесь не нужна, мне бы к матушке уйти.

— Сестренка милая, мысли твои понимаю. Только не спеши. Раз матушка просила отца поддержать, надо ее слово выполнить.

Рассталась сестра с братьями. Грустно потекла ее жизнь. Держал Предславу лишь материнский наказ.

Через год — новое горе: умерли в Новгороде Вышеслав, а в Полоцке — Изяслав. Тяжело отец пережил смерть сыновей. Хоть и верил, как христианин, в загробную жизнь, да мечтал на земле примириться с ними, терпеливо ждал, когда те поймут его муку княжескую, из-за которой не волен в делах и поступках, а должен радеть о земле русской да о народе.

Вызвал князь в Киев Ярослава и направил правителем в Новгород, а в Ростов на смену брату отправился Борис.

Прошло еще время. Выросла Предслава в красивую девушку. Пятнадцать лет — взрослый возраст, пора женихов выбирать. Но не спешит с этим князь Владимир, да и сердце дочери все заполнено любовью к отцу. Однако природа берет свое.

Как-то днем сбегала Предслава по лестнице с верхних палат в сени и увидела высокого и статного гридня, стоявшего на охране княжеского терема. Глянула в его теплые карие глаза и обожглась огнем. Не раз она видела этого гридня среди других, но молчало сердце, и вдруг оно забилося, и странное смятение, незнакомая доселе стыдливость охватили княжну.

Гридень Любомир давно служил князю Владимиру и не раз встречался с Предславой. Нравились ему эта девушка, да не смел с нею заговорить. Она — княжеская дочь. А кто он? Разве породнится с ним великий князь? Разве ответит на любовь гридня гордая девушка, которая даже не глянет в его сторону? Почему же остановилась на нижней ступеньке лестницы и смотрит на него? В сенях никого не оказалось, хотя обычно здесь полно народа.

— Тебя зовут Любомир? — спросила княжна, и нежно прозвучало его имя в девичьих устах. — Ты, кажется, давно служишь отцу?

— Верно, — ответил Любомир, и горло его словно перехватило.

— А что ты такой сердитый?

— Я не сердитый, только, княжна, не след тебе со мной разговаривать.

— Почему?

— Ты — княжна, я — гридень.

— Мне отец не запрещает разговаривать с гриднями, — гордо ответила Предслава и пошла дальше.

Другой раз они встретились в саду. Предслава сидела на лавке, вышивала украшение рубашки. Мимо проходил Любомир.

— Куда спешишь, гридень? Даже слов мне добрых не найдешь? — Предслава улыбнулась и рукой показала ему, чтобы подошел. — День замечательный, поговори со мной.

— О чем?

— Расскажи, как воюют наши воины. Раньше мне брат Ярослав рассказывал, только далеко он.

Любомир стал рассказывать о товарищах, сначала робко, подбирая каждое слово. Не учен он с княжнами беседовать. Потом увлекся, разговорился. Глядел в голубые глаза, широко распахнутые ему навстречу, на мягкую и грустную улыбку девушки, на пышные светлые волосы, подхваченные лентой. Ему казалось, что на всей земле они остались вдвоем. А Предслава слушала и подчинялась бурной радости собеседника. Голос его то решительный, то робкий. Глаза его смотрят так, словно вбирают ее в себя. Нет, не уйти ей от этих глаз. Волосы его разметались мощной темной копной. Так и хочется рукой их коснуться.

С этого дня начались встречи княжны и гридня: робкие и тайные. Разве можно

княжеской дочери гридня любить? В глубине сада укрывались в шалаше, любовно сделанном Любомиром из ветвей, сделанном так, чтобы никто не догадался, что это чье-то укрытие. В сених, когда там никого не было. На реке или в лесу, когда удавалось Предславе вырваться из княжеского терема. Эти встречи были редкими и краткими, иногда прерывавшимися надолго, поскольку Любомир находился в походе. Тем не менее, даже ожидания делали Предславу счастливой. Должно же у нее быть счастье? Не для горя она родилась.

— Ладушка моя, Славушка,— говорил Любомир,— нет мне жизни без тебя. Может, к Ярославу попросимся? Не зверь же он. Сама говоришь: брат тебя любит.

— Судьба ты моя, судьбинушка. Боюсь: Ярослав нас не поймет. А батюшка должен понять. Мать его, рассказывают, была простой ключницей у княгини Ольги. Пойду к нему, брошусь в ноги, скажу: либо с тобой, либо в омут речной.

— Нет, не отдаст мне князь свою дочь в жены. Он в родстве с византийскими императорами.

— Отец любит меня. Говорит, что я ему Рогнеду напоминаю да молодость его счастливую. Люди его святым называют, для многих он добро делает. Неужели дочь свою в реку отправит?

— Ты об этом, моя ладушка, и не помышляй. Если что с тобой случится, я себе не прощу.

Так и уговаривали друг друга потерпеть. Думали, передумывали, что делать. Да судьба, видно, у Предславы несчастливая. Увидел их кто-то, рассказал княгине. Та кричала мужу, что не допустит родства с безродным слугой. Князь Владимир грозно повел бровями. Долго молчал, а потом стукнул кулаком по стене так, что стена задрожала, и уехал из терема на ловы. Несколько дней пропадал, когда же вернулся, вызвал к себе Любомира. Долго с ним беседу вел, а потом уехал Любомир защищать границы русские от печенегов.

Терпеливо ждала Предслава своего гридня, года два прошло. Думала, как отца убедить, чтоб вернул ей счастье. Вдруг пришло известие о том, что печенеги перебили отряд русских воинов, и погиб ее Любомир. Погибли у Предславы и надежды на счастье. Свалило горе княжну. Заболела так сильно, что и не ждали от нее выздоровления.

Во сне приходила к ней матушка:

— Славинька моя, любушка, не оставляй отца и братьев родных. Нет у них другой женской ласки, кроме твоей.

— Зачем ты меня, матушка, родила, а счастья не оставила?

— Не только для счастья живет человек, доченька. Терпи на земле. Здесь счастье обретешь, когда его достойна станешь.

Приходил во сне Любомир:

— Ладушка моя, Славушка, не болей за меня. Живи, моя ягодка, а я на тебя отсюда люблю.

— К тебе хочу, Любомир. Возьми меня с собой.

— Не могу я этого сделать, Славушка. Ты — живи, болезнь тебя отпустит.

Молитвы ли Рогнеды и Любомира помогли, организм ли молодой выдержал, кто знает, только месяца через два поднялась Предслава и вышла на солнышко в сад. Прошла на ту скамейку, на которой прежде сидела с любимым, к месту, где стоял шалаш, уничтоженный по указу княгини. Ночью спустилась в сени, замерла, прижавшись к стене, слышавшей когда-то любовный шепот княжны и гридня.

Жила Предслава и не жила. Душа девичья омертвела.

Подолгу сидела Предслава у раскрытого окна, смотрела на небо, слушала шелест листьев и ветра. Ей казалось, что мать и Любомир смотрят на нее сверху. Разглядеть бы их, увидеть грустные и красивые глаза матери, нежную улыбку друга. Расслышать бы в шорохе листьев их голоса. Для чего живет княжна на земле?

Скоро в тереме появилась новая жизнь: дочь Владимира и Анны, прозванная Доброгневою. Княгиня, ослабев от родов, не могла выхаживать девочку. Предслава как только взяла ее на руки, вспомнила сестру Гориславу. Прижала малышку к груди, и показалось ей, будто Доброгнева — ее дочка, Любомиром подаренная. И хотя были у малышки няньки, никого, кроме матери и кормилицы, Предслава к ней не допускала.

Недолго после родов прожила княгиня. Умерла. И поняла тогда княжна, зачем жить осталась. Заменяла Доброгневе мать.

Князь Владимир слабел, нуждался в женской заботе. Раздумывал о детях. Сыновья его при деле — выросли, правителями стали, а дочери — беззащитные. Одной мужа надо подыскать, а другая — совсем малютка. Предслава нянчит ее как мать. Напоминает ему своей заботливостью Рогнеду.

Святополк — племянник, сыном нареченный — женился на дочери польского короля Болеслава, даже не спросив княжеского дозволения. Рассердился на то князь Владимир.

Болеслав — мудрый король, желая укрепить связи с влиятельным русским князем, не раз уговаривал того породниться. Владимир молчал. Теперь они стали родственниками. И все же Болеслав снова заслал сватов в княжеский терем, пожелав взять в жены Предславу. Не хотел старый князь расставаться с дочерью и лишать малышку заботливой сестры, однако пришло время подумать о счастье Предславы.

— Решай, дочь, сама, — сказал он.

Отказалась Предслава от замужества. Любила она Любомира и другого в мужа не желала. У нее на руках была маленькая девочка, рядом жил стареющий, хоть и властный еще, отец. Предслава взяла на себя теремное хозяйство. Нет, не уедет она из отцовского дома.

Трудно ей управлять хозяйством. И не потому, что не умеет. С малолетства мать к труду приучала. Только княжеский терем — клубок чьих-то недомолвок и недовольств. Слабеть стал Владимир, и это сразу почуяли бояре. Замышляли они недоброе против великого князя. Искали ему замену. Среди домашних людей, когда-то боявшихся глаза поднять на князя, начался разброд. Чувствовала Предслава измену, которая прокралась в княжий терем.

А жизнь приготовила новые испытания. Умер великий князь Владимир. Святополк утвердился на киевском престоле. Убил братьев — Бориса, Глеба и Святослава. Тайно от него послала Предслава в Новгород к Ярославу страшную весть: «Отец наш умер. Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, на Глеба послал дружину. Берегись его!» Святополк взбесился, узнав об этом послании.

— Ты зачем хромого предупредила? Хочешь, чтобы он сюда пришел? Он придет, а я его убью, и тебя в монастырь отправлю, — кричал он сводной сестре.

Предслава и не рада, что брата известила: не потерпит тот вероломства Святополка, придет к Киеву. Но, возможно, тогда будут они вместе, и будет рядом с ней родная душа? Вызвал Ярослав Святополка на бой, разбил киевскую дружину и пришел в Киев. Радостно Предславе: любимый брат рядом. Рассказала ему о своей жизни, о последних днях отца. Поделилась с ним и любовной печалью.

— Ничего, Предслава, будем теперь вместе жить, — ответил брат.

Только вскоре двинулся на Киев с большим воинством король Болеслав, вознамерившийся вернуть зятю великокняжеский престол. Ярослав, вынужденный оставить сестер, укрылся в Новгороде. Болеслав, войдя в Киев, получил власть над дочерьми Владимира. Ворвался в светелку Предславы и силой овладел княжной, боявшейся лишь одного: вдруг сестренка, спавшая тут же, проснется и испугается страшного вида поляка. Так стала Предслава наложницей Болеслава. Не женой, как предлагал он раньше, а бесправной рабыней.

Отправляясь в Польшу, король прихватил сестер Ярославовых, защищая себя от

мести русского князя. Одно удерживало Предславу в новой тягостной жизни — следовало защищать Доброгневу от грубых нехристей, каковыми считали на Руси католиков. Только через пятнадцать лет, после смерти Болеслава, смогли сестры вернуться в родные земли, которыми теперь безгранично управлял князь Ярослав.

— Что же ты думаешь делать? — спросил брат в день встречи.

— Нет мне места среди людей. Грех на мне непростительный, — грустно произнесла Предслава.

— Разве ты виновата, что король Болеслав так с тобой поступил, и никто не смог тебя защитить? Твои грехи Господь отпустит. Отца и братьев всегда поддерживала, сестру вырастила. Не мучь себя.

— Отпусти меня, Ярослав, в Предславинский монастырь. Там мое место. Хочу посвятить себя Богу, молиться за вас за всех: за мать и отца, за братьев и сестру.

Ничего не ответил брат. Понял: решение сестры твердое. Молчал он при расставании, сжав зубы. Плакала Доброгнева.

— Что ж ты плачешь? Не на смерть меня посылаешь, голубушка.

— Ты же мне матерью была. Как я жить без тебя стану? — слезы текли по щекам сестры, и страх стоял в ее глазах.

— Ты стала взрослой, моя девочка, — Предслава ласково вытерла ей слезы. — За тебя король Казимир сватается. Выйдешь за него, он тебе защитником станет. Родишь ему детей. И будешь меня вспоминать, а я за вас молиться буду.

Рано утром уехала Предслава из княжеского дома. Вскорости из монастыря сообщили, что нет больше в миру Предславы, есть монахиня Елена.

Гордая, сильная, умная, выносливая княжна закончила трудный земной путь в стенах монастыря, расположившегося на месте села, в котором родилась и провела счастливое детство.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

КРЫЛЬЯ АНГЕЛА

— Привет, Санек! Что это с тобой?
— А что?
— Да идешь и все в землю глядишь...
— Куда ж мне еще глядеть — в небо, что ль?..
(Из случайно услышанного разговора)

Если вы никогда не держали собаку, но вдруг она появилась в вашей жизни, то новые знакомства не заставят себя ждать. Множество историй будет рассказано на прогулках, — и не только о меньших братьях. Пес, имеющий к вам непосредственное отношение, располагает к откровенности большинство прохожих. Кто-то изобразит это в лице, другой обронит слово, третий разразится выразительным речитативом. Не всегда впечатление окажется приятным, однако жизненный опыт ваш пополнится. Необходимость гулять тоже вносит в режим свою долю разнообразия.

Очень редко добрым летним утром в небе можно заметить необычные облака в виде крыльев ангела. Они огромны, отчетливо просматривается каждое белопрозрачное перо, а вокруг — синева безупречной глубины. Что это, — прихоть воображения или великое чудо снисхождения к человекам? Как-то раз увиделось, — выпало одно перо, плыло за крылом, догнать не могло. Люди спешили по делам, а трава молчала под ногами, улыбаясь незатейливыми цветами, но не смягчился ничей взгляд, не поднялись тяжелые от суетных забот головы.

Из-за угла школьного забора навстречу мне вышла худенькая, маленького роста женщина. Ее сопровождали несколько разнокалиберных, хоть и не слишком крупных, собак и две удивительные кошки, способные подолгу чинно шагать следом, не отставая ни на шаг. Я уже кое-что знала о ней. Она недавно, как и все мы, обосновалась в нашем новеньком, с иголки, микрорайоне. Свой однокомнатный мир хозяйка наполнила самой радостной и безупречной любовью. Бог дал ей детское сердце, которому не суждено было повзрослеть никогда, и бесхитростный разум двенадцатилетней девочки. Видя четвероногое горе, она не могла сказать себе: «Жаль, но всем я помочь — не осилю, да и других дел невпроворот», отвернуться и пойти прочь. Скоро население ее квартиры выросло в большую, довольно беспокойную семью, хотя дружную и жизнерадостную. Хвостатых этих ребят ей удавалось любить так, как немногие человечьи матери любят своих бесхвостых. Целые дни она их кормила, чесала, купала, играла и возилась с ними самозабвенно — была неслыханно счастлива.

Не знаю вашего мнения, но лично я давно этого не умею. Косые насмешливые взгляды с детских лет научили стыдиться всего теплого и чистого, горячо вспыхивающего в душе при виде чужого страдания, неважно, относились подобные чувства к человеческому сословию или нет. Они не исчезли, но стараются оставаться невидимыми для окружающих.

Женщину, о которой я рассказываю, снисходительно называли слабоумной, и даже заядлые собаководы полусочувственно посмеивались над ней. Как водится, ее доброта помешала соседям. Неумеренность данной черты характера часто вызывает стремление ограничить таковые проявления у своих близких. Прокрустово ложе для человеческих душ. Неизвестно, правда, разрешено ли кому бы то ни было устанавливать пределы. Видимо, где-то внутри начинает неудобно и колотить воровчаться собственная несостоятельность в этом вопросе, заставляя индивида принимать меры для спокойствия своей персональной совести.

В свежий и чистый воскресный день решительный и безапелляционный звонок раздвоил судьбу маленькой женщины.

Она вернулась после долгой и радостной прогулки со своими питомцами. Дверь еще не была заперта и сразу открылась. На пороге стоял молоденький, но уже хмурый милиционер, а за ним толпа соседей, старательно возбуждающих в себе состояние негодования. Недоверчивый и внимательный человек заметил бы, что лица некоторых персонажей содержали намек на безудержное и недоброе любопытство. Вдруг воспользовались и тут же прятались осторожные гадюки улыбок.

Хозяйка и лопухий щенок вдвоем вышли к незванным посетителям и поглядели на них с одинаковым простодушным выражением.

— Здравствуйте! — приветливо сказали оба, один по-собачьи, другая на русском языке.

Никто не ответил, даже милиционер. Истерично приподнятым, раздраженным голосом, уверенный, что говорит «сурово и жестко», он произнес:

— Соседи ваши жалуются на ваши несознательные поступки. Собаки ваши с кошками им мешают, шумят и гавкают день за днем...

— Ночью тоже, — поторопился добавить щуплый мужичонка, пьяница, которому в разное время суток доводилось исполнять в подъезде обрывки народных песен вопреки желаниям слушателей. Никто, однако, не напомнил об этом вслух — цель была ясна, и ее единство сплотило всех. Одобрительный хор голосов прогудел полное согласие.

— А что же делать? — растерялась хозяйка, — Они не могут совсем молча, они живые...

— В том и дело, что живые, — встрял опять пьяница, — если бы плюшевые, тихо было бы...

— Заведите себе игрушек, да картинок навешайте, будет красиво и без претензий...

Посыпались советы, один злее другого, женщина, часто моргая, смотрела на подступавших к ней людей. Она испугалась, ничего не понимала, но чувствовала себя в чем-то виноватой. Взяв на руки лопухого щенка, обняла его инстинктивным жестом защиты.

— Все, тихо, граждане, — неожиданно веско сказал милиционер. — Вопрос ясен. Займемся изъятием.

Он забрал у хозяйки щенка. Ей не пришлось в голову помешать этому. Дверь в квартиру распахнулась, и толпа азартно бросилась ловить животных. Все вокруг завизжало, замыкало, заверещало.

— Зачем вы?.. Куда их?.. — беспомощно лепетала женщина.

Кроме пьяницы, тащившего старую бесхвостую кошку, никто не услышал этих слов.

— В приют! — глумливо заорал он. — Не поняла, что ли? — и, дразня ее, вывалил слюнявый, обшарпанный, нечистый язык.

Невозмутимый лифт доставил вниз дикое стадо, издающее множество звуков. Женщина судорожно прислушивалась, пока не заглохли отчаянные визги и востор-

женная матерщина. Затем вошла к себе, машинально закрыла дверь. Из-под дивана выползла последняя кошка, прильнула к ногам хозяйки. Та села на пол, обняла ее, чувствуя страстную радостную благодарность к ней, перемешанную с темным горем. Долго и тяжело плакала, содрогаясь, захлебываясь, как ребенок.

— В приюте им будет хорошо,— говорила она кошке, понемногу успокаиваясь.— По телевизору показывали, как там собачки живут...

Никаких сомнений в словах пьяницы у нее не возникло.

Однажды бедняжка поведала мне эту историю.

— Соседи у меня хорошие,— рассказывала женщина,— разрешили оставить последнюю кошечку, когда узнали о ней. Одна даже в тот приют ездила, говорит, все здоровы, щеночки подросли, но мне туда ехать не велела, далеко очень. Я теперь бездомных собачек просто кормлю, домой не забираю, раз милиционеры не позволяют... А поглядите, какие сегодня утешительные облака. Точно ангельские крылья.

Больше я никогда не видела ее. Кто-то сообщил, что она заболела и умерла, спросила другого — ответил, нашлись, мол, родственники, увезли в далекий город. Имени маленькой женщины я не знаю, может, и говорили мне, по неясным приметам, совсем не о ней.

Недавно слышала в автобусе болтовню двух теток. Как я поняла, они давно не встречались. Сказано ими было много, но мне запомнилось только это:

— Сначала думала, с новой квартирой не повезло. Рядом одна полоумная жила, бездомное зверье собирала у себя. Шум, гам, вонища! Нет, не то, чтобы правда грязно, она убирала за ними, но всех раздражало... У меня племяш как раз милицейский колледж заканчивал. Я его подговорила, он мента изобразил, зверье у ней отобрали, подальше завезли и в расход, конечно... Ей сказали, что всех их в приют отправили. Она в самом деле на голову слабая была, поверила... Но я там уже не живу, ближе к центру квартиру купила.

Денис Козенко
(г. Самара)

КРАСОТА ПО-РУССКИ

Я — Козенко Денис Борисович, из Самары, с недавних пор — начинающий, с позволения сказать, прозаик. Пишу Вам по рекомендации Ханбекова Леонида Васильевича. С 2009 года являюсь членом литературного клуба «Московский Парнас». В одноименном альманахе в 2009 году было опубликовано два моих рассказа. В конце того же года вышла небольшая книжица моих рассказов «Говорят, судьба», и я был принят в Международное сообщество писательских союзов. Леонид Васильевич посоветовал обратиться к Вам на предмет опубликования моей прозы в журнале «Приокские зори».

Есть на Волге, чуть пониже Тольятти, удивительное, сказочное место — остров Середыш. Удивительность его и сказочность происходят главным образом не из красоты необыкновенной здешней природы, но из чистоты и опрятности, что для нынешнего Поволжья — явление крайней редкости. Исколесив всю Самарскую и близлежащие области вдоль и поперек, могу с уверенностью сказать — немного найдется мест, сравнимых именно по чистоте с Середышем. Такому феномену я лично вижу три главных причины. Первое — все-таки остров представляет собой часть Самарской луки, национального парка. Худо-бедно, но за ним следят. Периодически наезжают всякие природоохранные инспектора, развешивают таблички, дескать — территория национального парка, высаживаться строжайше запрещено. Но народ не больно-то и высаживается.

Вряд ли кого-то пугают эти запрещающие таблички, тут в дело вступает причина номер два: с точки зрения рыбалки Середыш, скажем прямо, заметно проигрывает. Есть на Волге куда более рыбные места. А потому браконьеров и рыболовов-любителей здесь отродясь не видавали. Простые отдыхающие тоже не часто балуют остров своим присутствием, и — слава Богу. Ведь у нас в обязательном порядке принято на летний отдых захватить помимо водки и удочки. И неважно, что, напившись, мало кто имеет желание разматывать снасти. Главное — принцип. Не на пьянку едем, а на рыбалку. На практике все наоборот получается, но это дело десятое. И кто же теперь поедет отдыхать на остров, где вся рыбалка заранее обречена на неудачу?

И, наконец, причина третья. Исключительно удачное естественное, географическое положение острова относительно течения Волги и местной розы ветров. Весь мусор, плывущий по реке, не прибывает к островному берегу, а наоборот — словно вымывает и уносит прочь, дальше, вниз, где он благополучно и оседает на других островах.

По большей части Середыш окаймлен достаточно широкой полосой песчаного пляжа. Песок на острове желтый, мелкий и... плотный, хотя применительно к песку это и не самое подходящее слово. Дело вот в чем. Песок здесь никто не тревожит, не шепуршит его своими пятками. Не бегают дети, не скачут волейболисты. От такого

одиночества и невнимания песок слеживается настолько плотно, что напоминает скорее снежный наст. Его поверхность такая ровная и гладкая, что поневоле задумываешься — а песок ли это? К тому же, когда ступаешь из воды на берег, то он скрипит, хрустит под ногами, точно январский снег.

За пляжем берег сразу и круто поднимается, и вся середина острова представляет собой небольшое плато, заросшее соснами и редкими лиственными деревьями, названия которых я не знаю. По земле можно смело ходить босиком, благо покрыта она густой и мягкой травой. Кое-где встречаются земляничные полянки. И нигде ни бумажки, ни бутылки, ни ржавой банки консервной. Словом, настоящий рай на земле, хотя рыбаки вряд ли со мной согласятся.

Пару раз во время наших ежегодных походов мы останавливались на Середыше переночевать, покупаться, да просто отдохнуть. Но недолго, все-таки мы и сами рыбаки, и ждут нас места хоть и не столь красивые, но богатые судаком, щукой и очень любимой мною красноперкой.

В этом году путешествовал с нами новый член экипажа, некто Вовка. Всю дорогу мы ему пели песни о Середыше, и когда, наконец, пристали к берегу, высадились, Вовка первым делом вымолвил: «Действительно — хрустит!» Это он о песке, не наврали, стало быть.

Прямо напротив острова — одна из Жигулевских гор, у подножия которой живописно расположилась небольшая турбаза. А где-то выше, по склону горы, проходит железнодорожная ветка. Поздним вечером, когда стемнеет, очень весело и приятно наблюдать с острова, как по горе светящимся червячком тащится пассажирский поезд. А снизу, с турбазы, доносятся взрывы хохота, и восторженные крики оповещают о том, что диск-жокей на танцплощадке сейчас поставит особенно популярную в этом году песню. Звук по воде разносится чрезвычайно хорошо.

Мы же поем у костра свои песни, пьем чай с конфетами. Нежданный порыв ветра вырвал у Вовки из рук конфетный фантик и понес вдоль берега. Наш новый матрос резво вскочил с места, словно молодой лось ринулся вслед беглецу, и в отчаянном броске настиг клочок цветастой бумажки. Торжественно, на вытянутой руке принес его к костру и устроил показательное сожжение. Проникся человек здешней чистотой, я так это понимаю.

От Середыша до Самары долетели за один день, благоприятствовал сильный и попутный ветер. Сроду бы не стали останавливаться, но нужно было пополнять запасы провианта и питьевой воды. Договорились по телефону с друзьями, обещали подвезти все необходимое прямо на берег. Обозначили место встречи. А надобно заметить, что таких мест в Самаре, где вот так запросто можно проехать на самый берег Волги, осталось, мягко говоря, немного. И дело не в какой-то необыкновенной заботе городских властей о чистоте береговой зоны. Просто в свое время хапнули, кто сумел, землицы на зеленых склонах практически задарма, понастроили коттеджей, перегородили все проезды шлагбаумами — все, приехали. Частная территория. И лишь где стоят пристани паромной переправы еще можно пробраться на своей машине до самой воды. В одно из таких мест мы и направили свой челн.

Да уж, непросто вот так сразу, после Середыша приставать к городскому берегу. Испытание не для слабонервных. Во-первых, пришлось заранее прыгнуть в воду в башмаках с толстой подошвой, дабы, не дай Бог, не распороть ногу о битое стекло. Да и расчистить площадку для нашего тримарана, поплавки у него нежные, надувные. Вопрос, как говорится, не столько в эстетической стороне, сколько в практической. Нам еще неделю путешествовать, судно беречь надобно. И руки-ноги тоже. Весь берег усыпан использованной пластиковой посудой, пивными бутылками, которые «благодаря» оригинальной форме не берут ни в одном пункте приема стеклотары. Проглядывающий кое-где среди гор мусора песок имеет нездоровый серый цвет.

Неподалеку от подъездной дороги растут полукольцом такие же серые кусты. Внутри полукольца уютно пристроилась компания бомжей. Вялыми, заторможенными движениями разливали какую-то бормотуху, не спеша, словно смакуя, выпивали, шушукались о чем-то и гнусно смеялись. Ладно, хоть друзья быстро подъехали, не сильно задержимся в этой тухлой гавани. Однако, машину поближе подгонять не стали, справедливо опасаясь за целостность колес. Пришлось коробки таскать метров двадцать, как раз мимо теплой компании. Погрузка уж близилась к концу, как я стал свидетелем удивительной сцены, навсегда врезавшейся мне в память. Пьяный бомж вывалился сквозь кусты в обнимку с такой же пьяной бомжихой, прямо мне под ноги. Намерения у бомжа были вполне очевидные. Он неуклюже лапал свою подругу, одновременно пытаясь сорвать с нее вонючие лохмотья. Вот уж не ожидал! Я почему-то и не думал, что бомжи тоже занимаются этим. На нас они не обращали ни малейшего внимания. Наверное, страсть поглотила всецело. Бомжиха притворно и неактивно отбивалась.

— Вань... ну ты это... ну перестань.

— Почему? — уныло мычал Ваня, скорее для приличия, нежели действительно хотел получить ответ.

— Ну... ты меня сначала поцелуй,— игривым до невозможности голосом скрипела обольстительница.

— Это еще зачем? — искренне изумился Ваня, и на секунду даже приостановил свои попытки овладеть желанным телом.

Ответ бомжихи поверг меня, как сейчас принято говорить, в шок. Я аж коробку с тушенкой выронил от удивления, и, кажется, от испуга. Впоследствии все уши своим друзьям прожужжал этим фантастическим рассказом, но мне никто не верил. А ведь ничего фантастического она не сказала. Ответ ее был прост и по-своему красив:

— Как это — зачем? Ну я же все-таки женщина.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ГОРЬКИЙ МЕД
(Цикл рассказов)

Родился в 1956 году. Член Союза писателей РФ, член Союзов журналистов России и Москвы, член-корреспондент Академии российской литературы. Лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова. Лауреат литературной премии «Московский Парнас» за 2007 г. Поэт и прозаик, известный публицист. Автор пятнадцати книг стихов и прозы.

ГОРЬКИЙ МЕД

Сколько себя помнит Зинаида Петровна, она всегда была пасечницей. Когда-то ее дедушка приохотил. Сначала помогала ему, лет примерно так с одиннадцати: разводила дымарь — специальное приспособление, которое раздувало дым и отпугивало отбившихся от роя пчел, потом научилась собирать воск, пергу, разбирать ульи. Дедушка ее хвалил.

А сегодня у Зинаиды Петровны день был особенный — ей исполнилось шестьдесят лет. И решила она, что пора бы и девятилетнего Антона, первого любимого внука, приохотить к пасечному делу.

Откуда мы все знаем, когда и как полученные в жизни навыки нам могут пригодиться?

Мальчик с удовольствием согласился помогать бабушке. Тем более, что раньше пчелок он боялся. До сих пор в семье из уст в уста передавалась история о том, как мама Антона, она же — дочка Зинаиды Петровны, в шестилетнем возрасте решила поиграть с пчелкой. Пчелка миролюбиво сидела на цветке и собирала нектар. Девочка подкралась к ней и схватила пчелку в кулачок. Через мгновение крик стоял такой, что даже из соседних домов мужчины повыскакивали с топорами и вилами в руках — думали, что случилось что-то ужасное. Сначала опухла ручка, потом стало опухать лицо — пришлось везти ребенка в больницу и вводить специальную сыворотку. Только на четвертый день ребенок стал приходить в себя. Вот как бывает: мама пасечница, а дочь безумно боялась любых крылато-кусачих тварей. Вот и Антону она строго-настрого наказала не подходить близко к ульям. Но мальчику же хотелось!

Зинаида Петровна с особой тщательностью одела на ребенка специальный костюм, приторочила сетку по возрасту и росту ребенка. В общем, внучек был со всех сторон защищен. На всякий случай в руки, защищенные перчатками, бабушка дала ему дымарь.

Прошли три улья, подошли к четвертому. Вдруг зоркий мальчик закричал бабушке:

— Не подходи к улью, не подходи, баба! Посмотри, на полочке лежит и шевелит лапками какая-то непонятная большая пчела!

Зинаида Петровна отстранила ребенка — мало ли что! А сама осторожно в своих высоких сапогах подкралась к улью. На летке лежала пчеломатка. Длинной она была примерно почти с два спичечных коробка — около 10 сантиметров, а грозный вид ей придавала широкая голова с вращающимися глазками. Пчеломатка время от времени быстро вращала головой и шевелила лапками.

— Антон, иди сюда, не бойся! — ласково заговорила успокоенная Зинаида Петровна. — Это пчеломатка. Раньше она была хозяйкой пчелиной семьи. Как я тебе рассказывала, пчеломатка — хозяйка всего улья. Ее слушали и ей подчинялись и рабочие пчелы, и трутни. Вот ей исполнилось два года. Она стала слабеть, перестала успевать за всеми следить. Мед становился хуже по качеству. Тогда пчелы на своем собрании выбрали другую пчеломатку.

— А эту, старую, куда же? — поинтересовался Антон.

— Вот она им уже не нужна. Они вытолкали ее из своей семьи, — пояснила бабушка.

— А почему они не стали продолжать ее кормить? Она же столько сделала для них. А многих даже воспитала и научила добывать нектар из цветов!

— Все ты правильно говоришь, внучек. Но такова жизнь пчелиной семьи. А то, что они добыли, они пчеломатке давать не хотят.

— Так они что, куркули? Жадины? Такие же плохие, как Сысоевы?

— Ну, внучек, Сысоевы — наши соседи, о них плохо говорить нельзя.

— Почему нельзя? — Мальчик стоял на своем. — Ты же сама возмущалась, когда 80-летнего дедушку Сысоева отвозили в дом престарелых. Тетя Валя, которая жена дяди Вити, который сын старика Сысоева, решила перевезти его туда. А все молча с ней согласились. А ты же сама кричала на дядю Витю, стыдя его. Так, значит, дедушка Сысоев — ненужная пчеломатка? — Мальчик задавал этот вопрос уже сквозь слезы.

Зинаида Петровна вдруг почувствовала, как стало сдавливать сердце, что ей не хватает воздуха. Она сорвала с себя сетку, и стала дышать ртом. Но воздуха все не хватало и не хватало. Она вспомнила материнский совет, что надо делать в этом случае. Нужно взяться правой рукой за мизинец левой руки и массировать его до тех пор, пока в самой маленькой фаланге не почувствуешь покалывание. Тогда приступ отступит.

Внук удивленно смотрел на бабушку и раз пятнадцать, наверное, задавал один и тот же вопрос: «А тебя в пальчик пчела сейчас укусила?» Зинаида Петровна видела, как внучек открывает рот, но вопроса его не слышала: очень шумело в ушах и почему-то давил затылок. Но минут через десять стало отступать. А мальчик все задавал и задавал один и тот же вопрос и плакал навзрыд — так ему было жалко бабушку. Наконец она услышала вопрос и согласно осторожно покивала головой. Говорить Зинаида Петровна почему-то не могла. Она медленно дошла до колодца, который давным-давно был оборудован на пасеке, спустила ведро вниз: цепь, разматываясь, ускоряла движение, а ведро билось о стенки колодца. И этот гул, привычный гул, почему-то способствовал тому, что гипертонический криз прошел сам по себе. Подбежал внук, стал помогать ей поднимать ведро.

Зинаида Петровна подумала про себя, что мальчик-то жилистый. Такой в жизни не пропадет. Ведро удалось поставить на бетонный край колодца. Зинаида Петровна сняла подвешенный тут же небольшой черпачок, зачерпнула и полила ключевую воду себе на голову, на лицо. Сначала было жутко холодно, даже больно, но потом стало приятно, пелена ушла с глаз. Уже разоблачившись от пчеловодческой амуниции и побросав все у крыльца, чего раньше Зинаида Петровна себе не позволяла, она бесильно присела на крылечко и вдруг поняла, почему так разнервничалась: неужели внук ее, вот этот Антошечка, любимый ею первый внук с выгоревшими от солнца волосами, когда-нибудь ее, как дедушку Сысоева, тоже отвезет в дом престарелых?

ПЛАТА ЗА ПОДВИГ

Когда-то это было довольно-таки неблизкое Подмосковье. Жил себе в Матвеевском в собственном доме Иван Данилович Голубев с многочисленным семейством, состоявшим аж из семнадцати душ. Когда колхоз развалился, то выделили Ивану Даниловичу огромный пай — по числу едоков. В начале XXI века стали приходить к Ивану Даниловичу разные люди, которых он многочисленной родне представлял «лихими людьми», и все уговаривали старика отдать землю. Пытались действовать и через 55-летнего сына, и через 30-летнего внука, и даже через семилетнего Сему — правнука. Как-то он сел играть с дедом в шашки и после очередного неудачного хода, в результате которого потерял сразу три шашки, грустно вздохнул и философски промолвил:

— Вот так, деда! Хранишь, бережешь, а потом раз — и потерял. Я шашки потерял, а у тебя какие-нибудь лихие ловкие люди землю отберут!!!

— Кто это тебя, поганца, обучил такому?! — осерчал Иван Данилович.

Правнук испугался строгого дедова голоса, заплакал-захлюпал носом и убежал на всякий случай, а то вдруг дедушка обидеть захочет. Он знал-видел, что дедушка очень сильный и лучше ему под руку не попадаться.

Прибежала сноха — жена внука и стала было заступаться за ребенка:

— А чего вы моего обидели? Если мальчик не нравится — не водите.

Чтобы сноха не пыталась взять власть, даже хоть в одном жизненном эпизоде, осерчавшему Ивану Даниловичу пришлось цыкнуть и на нее:

— С людьми, особенно с молодежью, сладу нет — все хотят на своем настоять! Лучше пойду, со свиньями поиграю.

Он встал из-за стола, аккуратно сложил шашки, положил их на полочку, потому что знал, что еще не однажды пригодятся. А потом, важно вышагивая, пошел в сарай. Почесал за ухом свиноматку, шикнул на крысеныша, который неведомо каким образом оказался в углу сарая. Про себя подумал, что, вот, где-то запропастилась любимица семьи кошка-крысолов. Трехцветной масти и тигровой раскраски в полосочку, а то бы крысенышу несдобровать — мигом бы придушила.

От одного загончика пошел к другому, где сидел его лучший друг — восьмилетний свин Борис. Когда-то хотели полуторагодовалого кабанчика забить на мясо и сало, но Иван Данилович не дал, ибо уж больно смышленным оказался поросенок. То изображал, как собака крадется, то вставал на две задние ножки и кружился вокруг, танцуя вальс. Очень он был угоден Ивану Даниловичу. Но и это еще не все. Родился он пятнадцать минут первого утра первого января 2001 года. Так сказать, первый поросенок нового тысячелетия и нового века.

Свин встал на задние лапы и стал пяточком тыкаться в живот Ивану Даниловичу.

— Ну, ну, хватит, однако, — умиленно отодвигал от себя свина правой рукой хозяин. — Замусолишь всю фуфайку — потом не отстираешь.

Борис все понял и опустился на четыре ножки. Несмотря на то, что весил он без малого полтора центнера, был сноровистым и грациозным. Иван Данилович угостил его кусочком сахара и приоткрыл калитку. Борька выскочил на волю и радостно закружился вокруг хозяина.

— Ну, давай, пойдём, по двору побегаешь! — согласился с желанием животного хозяин. Борька носился по двору как угорелый, а за его свиной радостью слегка презрительно наблюдал кане корсо — мохнатая широколобая рослая собака родом из Италии. Собака считала выше своего достоинства допускать хотя бы малейшую шалость, ведь она была не простая собака, а породистая!

Вдруг скрипнула калитка. Трое наголо стриженных в коротких кожаных куртках молодых людей бесцеремонно вошли во двор и поинтересовались:

— Вы — бывший колхозник Голубев?

— Ну, я, — отвечал Иван Данилович.

И по тому, как нагло вели себя эти парни, и по тому, какой у них был «прикид», Иван Данилович понял, что его ждут какие-то неприятности. Было обидно еще и потому, что трое сыновей были на работе, четверо внуков также отсутствовали, так что на помощь ему прийти могли лишь две невестки да жена одного из внуков, с сыном которой — своим правнуком он недавно играл в шашки.

Чтобы показать свою «крутизну» и припугнуть 76-летнего старика, старший из неожиданных незнакомцев сразу взял быка за рога. Он вскинул правую руку и раздался сухой щелчок. Кане корсо прощально взвизгнул и забился в смертных судорогах возле конуры. Парень хрипло захохотал:

— Дед! Не выполнишь то, что мы скажем, пойдешь за собакой следом.

Внешне Иван Данилович был спокоен, но внутри все оцепенело, ибо он понял, что эти ребята не остановятся ни перед чем. Не на кого было надеяться, а ставить женщин под удар, в том числе, да еще и вместе с правнуком — бесчеловечно. Тянуть время представлялось излишним.

— Слушаю, — нарочито серым невзрачным голосом дал согласие участвовать в диалоге Голубев.

Меткий стрелок гоготнул, спрятал пистолет и расслабился — защитников у старика больше не было. Один из гостей представился:

«Познакомьтесь это — нотариус, а этот человек поможет произвести расчеты и посодействовать в учете всех интересов. Девяносто тысяч долларов за землю — и все довольны».

Иван Данилович глубоко вздохнул и подумал про себя, что всякому делу есть начало, а всякому времени есть свой конец. И нужно оставить себе огород, соток двенадцать-четырнадцать земли, а на остальное махнуть рукой — устоять против черной силы не было никакой возможности. Единственное, что мог себе позволить Иван Данилович при подобных условиях, так это отказаться приглашать «гостей» в дом. Встали возле поленицы с дровами. Нотариус засуетился, доставая экземпляры договора купли-продажи земельного пая. И вдруг раздался жуткий вскрик, который перешел в предсмертный вой. Посреди двора корчился убийца собаки. Хряк Борис мгновенно пересек полдвора, при своей массе, помноженной на скорость, ударил в спину ненавистного врага — мгновенный перелом позвоночника. Стоящий рядом с нотариусом парень сунул было руку в карман, но проворный хряк уже атаковал и его. Противник свиньи охнул, схватился за правое бедро и с диким стоном упал на землю. Хряк напрыгнул на него и стал бодать головой подобно разъяренному быку. Поблудневший испуганный нотариус захлопнул книгу, сдернул ее с поленицы, прижал к груди и умоляюще смотрел на Ивана Даниловича.

— Сам не знаю, что это со свиньей произошло, — удивился хозяин. — Встаньте за моей спиной и так и стойте.

Шустрости нотариуса позавидовал бы любой спринтер. Он мгновенно оказался за спиной Ивана Даниловича.

Свинью еле удалось отогнать. Заперли в сарае. Грозные похрюкивания раздавались минут двадцать, пока одна из снوخ не высыпала хряку Борьке ведро запаренной картошки с морковью и не посыпала еду обильно сахаром: животное довольно зачавкало.

Из ближайшей амбулатории приехала врач на «скорой». Сбитый хряком первый бандит в медицинской помощи уже не нуждался. Второго положили на жесткие носилки-щит и с большим трудом подняли в нутро машины «скорой помощи» — весил он, наверное, не меньше хряка. Милиция приехала только через час, следователи долго ходили возле убитого пса, что-то вымеряли. Пистолет нашли в куртке первого

бандита. Розыскники покивали друг другу — собака погибла от его выстрела. Так и не поняли причину смерти первого бандита: кто на него кинулся и кем был нанесен смертельный удар. Понятно, что 76-летний дедушка на подобные подвиги был неспособен.

А через два дня к усадьбе Ивана Даниловича Голубева подъехал неприметный грузовичок с матерчатым верхом, по бокам которого было написано «Районный мясокомбинат». Двое ловких людей набросили на хряка Борьку веревки, поставили настил, по которому сноровисто подняли его в грузовичок. Свин недоуменно хрюкал и пытался посмотреть в глаза хозяину. Иван Данилович отвернулся, а потом медленно пошел по двору в дом. Впервые в жизни он не закрыл за собой ворота — поступил не по-хозяйски.

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В один из январских выходных дней на кухне у семьи Слепцовых между супругами возникла небольшая размолвка:

— Сидишь, все кроссворды разгадываешь! — попрекала мужа Василия благоверная. — Сходил бы хоть на рынок, ведро картошки купил. Надоело есть пельмени да лапшу.

Муж покаянно покивал головой и стал одеваться, хотя из семейного уюта в стылый пятнадцатиградусный мороз уходить ой как не хотелось.

Зато на рынке повезло. Приехавший из города Сасово Рязанской области продавать собственную картошку и моркошку (как выражаются, говоря о моркови, сами рязанские — И.Н.) хотел побыстрее распродать свой товар, а потому соглашался на скидки почти в половину меньше ранее назначенной цены. Хорошо, что Василий взял с собой тележку. Потому и купил целый мешок. Споро привез поклажу домой, поставили мешок на кухне, настелили газет и аккуратно разложили картофель — сохнуть от налипшей земли.

А на следующий день вечером читал Василий на кухне газету и прихлебывал чай. Вдруг ему показалось, что по полу мелькнуло что-то маленькое черное. Василий удивленно похмыкал, но не придал этому значения. Зато через несколько дней супруга продемонстрировала ему разорванный целлофановый пакет и несколько обгрызенных макарон:

— Вася, а у нас мышка завелась.

— Дорогая, откуда на седьмом этаже может быть мышка?

— Не знаю, но вот видишь!

Погрешили было на четырехлетнего сына: может быть, он играл с макаронами и погрыз, покусал — разорвал пакет. Напрямую спрашивать у ребенка ничего не стали.

Зато Василий, возвращаясь на следующий день с работы, зашел на рынок, встретил того же рязанского продавца и поинтересовался:

— А не могла ли мышка попасть вместе с картошкой в мешок?

Тот охотно подтвердил догадку и достал небольшую бутылочку, в которую налил темно-коричневую вязкую жидкость:

— У вас какая-нибудь старая зубная щетка дома есть? Намажьте кусочки картона, в нескольких местах положите. Мышка пробежать будет — обязательно завязнет.

Разложили картон в нескольких местах. Ходили осторожно, сына на кухню не пускали. И доморощенным охотникам — супругам Слепцовым — улыбнулась удача: собиравшийся ранним утром на работу Василий зашел на кухню, включил свет и увидел приклеенного к картонке мышонка. Вдруг он услышал, как сзади по коридору топает малыш. Он тоже зашел на кухню и радостно закричал:

— Папа! Папа! Смотри! К нам в гости мышка пришла!

Мышонок, неестественно нахохлившись, сжался.

— Папа! А почему у него слезки текут?

Василий не заметил, как малыш встал на четвереньки и подполз к страдающему мышонку. Отец подхватил малыша на руки и строго сказал: «Быстренько спать! А мышенок кушать хочет, я его накормлю!» Прибежавшая из ванны жена схватила сына и унесла в детскую. У Василия окончательно испортилось настроение. Он собрал все картонки, в том числе и ту, к которой приклеился мышенок, и засунул в полиэтиленовый пакет. На улице выбросил в мусорный бак. День прошел суетливо, как-то нерадостно. А в ушах все слышался сыновний голос: «Пап! А почему мышка плачет?»

Вечером жена приготовила ужин и начала хвалить картошку:

— Смотри, сасовская картошка-то вкусная, рассыпчатая! И хранится хорошо зимой.

А малыш все ходил по кухне, заглядывал по углам и спрашивал:

— Папа, а когда мышка кушать придет?

БОГИ БАРБУДКИ

1

В начале марта в средней полосе России рассветает поздно. Хмарь висит вокруг, а солнечные лучи с трудом пробиваются к земле. В одиннадцатом часу утра поезд прибывает на узловую станцию — в один из райцентров Брянской области. Кто-то дремлет в купе, кто-то читает, но все реагируют на визгливый голос проводницы:

— Уважаемые пассажиры! Стоянка поезда 35 минут! Можете выйти на перрон, однако далеко не уходите.

В окна стучат небольшими удочками. Выглядываю и вижу, как замотанные в платки старухи и женщины средних лет протягивают вверх какие-то пакеты. С утра уже поддавший попутчик, рыхловатый мужчина лет 35-ти, круглолицый, с добродушным выражением лица, радостно крикает:

— Эхма! Щас возьму картошечки с солеными огурчиками. А может, у какой бабки и наливочка домашняя к поезду принесена! Так время до обеда весело и пройдет.

Я переспрашиваю еще раз название станции и понимаю, что это конечный пункт моего маршрута — мне как раз в одно из учреждений этого городка и надобно прийти не позднее 12-ти часов, чтобы выполнить данное мне важное поручение. Попутчик идет следом за мной, радостно балагурия в предвкушении удовольствия. Едва спускаюсь на перрон, как меня окружают с десяток пожилых женщин и с ласковой настойчивостью уговаривают:

— Поешьте домашненького! Поешьте тепленького! У нас все уже упаковано! Пятьдесят рублей!

Я смотрю на пластиковые коробочки, разделенные на три отсека. В одном из них, самом большом, картошечка, которая плавает в постном масле. В другом отсеке несколько малосольных огурчиков, а в третьем — небольшой желтенький стаканчик. Это, видимо, или самогон, или домашняя наливка.

Хвалю перронных продавщиц:

— О, как у вас сервис налажен! Уважаєте, однако, покупателя!

Да неужели!!! Лишь бы вы купили, а мы и приятного аппетита пожелаем, и покажем, где вход в вокзал, чтобы в нормальных условиях могли покушать! Да там и буфет есть еще!

Не знаю, у кого и прикупить, тем более, что наборы различные — есть и с колбасочкой, и с кусочком хлебушка, правда, и цена поболее. А выпивать с утра, идя в

присутственное место, совершенно нельзя. И вдруг чувствую на себе чей-то взгляд. Оглядываю лица продавщиц и вдруг вижу перед собой открытое русское лицо, обрамленное тонкой узорчатой шалью. В народе такие шали зовут «пушинками», потому что они с виду тонкие, но зато очень теплые благодаря козьему пуху. Она ничего не предлагает, а просто держит у ног большую туристическую сумку, из которой исходит парок. Я сразу иду по направлению к ней. За спиной слышу визгливый завистливый голос одной из товарок:

— Барбудке опять повезло! И почему все у нее сразу берут?!

— Ничего, быстрее продаст — быстрее уйдет! А у нас еще семь поездов впереди!

Эта крепкая сплоченная когорта знает расписание движения поездов, знает, где какой вагон останавливается — все поделено без всякой сухаревской конвенции, но с чисто провинциальным практицизмом. «Мое не трожь, а я к тебе на территорию не влезу!» Насколько я понимаю, эти два вагона были как раз территорией Барбудки.

Судя по пластиковым пакетам и по моему аппетиту, я понимаю, что могу съесть и несколько порций. Спрашиваю у нее, а она мне в ответ ласково улыбается и говорит, что осталось три упаковки, в одной из которых домашняя капуста, а в двух других — картошечка и огурчики с хлебом.

Вызвалась меня и проводить. Вход в вокзал находится где-то сбоку, проходить надо через длинный пахнущий рынком, мрачноватый коридор, где стены выкрашены темно-зеленой масляной краской, а тусклые лампочки не навевают радостных мыслей. Однако попадаем в довольно просторное помещение зала ожидания, где установлены несколько столиков, на которых стоят подставки с салфетками, горчицей, солью и перцем.

Как и всякая хозяйка, которая сама готовила снесь, моя продавщица-проводная сервировала столик, пожелала мне приятного аппетита, а сама уселась напротив, радуясь тому, как я улетаю все за обе щеки.

После еды как не поговорить! А потому интересуюсь:

— А почему вас называли Барбудкой? Что это за прозвище какое-то непонятное?

Женщина вздыхает, и говорит:

— Вот сейчас мне пятьдесят три года. А называли меня так двадцать три года тому назад. — Замолкает, горестно вздыхает. Натруженной рукой смахивает слезинку с левой щеки, а потом предлагает:

— А если хотите поговорить по душам, приглашаю на обед!

Тут я, как и все москвичи, проявляю бестактность — протягиваю ей деньги. В ответ вижу укоризненный взгляд. Уговариваемся о встрече.

На удивление быстро решил все свои командировочные вопросы. Прежде, чем идти в гости, нашел продуктовый магазин и накопил всякой снесь, чтобы хоть как-то отблагодарить за вокзальное угощение.

2

За что люблю маленькие города, так это за ухоженность дорог, за приветливость жителей, за их словоохотливость, когда интересуешься, как пройти к нужному месту. Для местных общение с приезжим — уже событие:

— А чей-то приезжий из Москвы туда-то к тому-то идет? Интересно! Да неужели!!!

Несколько раз переспрашивал дорогу. Дом Валентины Павловны многие знают, несмотря на то, что в райцентре живут без малого тридцать тысяч человек: кто-то с кем-то учился, кто-то состоит пусть и в дальнем, но родстве, у кого-то дети учились вместе или ходили в Дом пионеров, а то и занимались вместе в музыкальной школе или в спортивной секции, а у кого-то родня соседствует. Вот через эту-то родню Валентину Павловну и знают. Так и дошел я до нужного мне адреса.

Дом выглядел также завлекательно по-доброму, как и ласковый взгляд Валентины Павловны. Первый этаж — из добротного белого кирпича, а второй, мансардно-чердачный, — деревянный. Крыша покрыта оцинкованным железом — надолго хватит противостоять осенне-весенним дождям, да снегам. Едва нажал на кнопку звонка возле калитки, как хозяйка вышла на крыльцо, кутаясь от ранне-весеннего холода в телогрейку. В горнице меня поразила божница. Вместе соседствовали и старая икона, и цветная литография из «Огонька» с изображением «Троицы» Андрея Рублева и черно-белый портрет Фиделя Кастро. Лампадка потрескивала и давала ровный слегка голубоватый свет.

— Сначала гостя попотчую, а потом поговорим, — предложила Валентина Павловна.

Пришлось поднять тост и за хозяйку, и за ее гостеприимство, и за уютный дом, и за будущие радости.

Этому тосту хозяйка обрадовалась больше всего, даже чуть-чуть всплакнула.

В это время раздался мелодичный звонок — кто-то пришел.

— Это свекровь моя, Матрена Николаевна, — засуетилась Валентина Павловна. К нашей трапезе и к беседе присоединилась невысокая чистенькая старушка, слегка иссохшая от времени и, возможно, от пережитого горя, ибо глазницы у нее были все в морщинах, что является неперменным доказательством частых расстройств. Невольно вспомнилась пословица «Слезы горе вымывают, да следы-морщины оставляют».

3

Валентина Павловна по-бабьи приперла щеки кулачками и тяжело вздохнула:

— Ой, чего нам только пережить пришлось с этой радиацией! На реке Припять 26 апреля 1986 года в Чернобыле произошла авария на атомной электростанции. Радиация дошла и до Брянской области. Большая беда пришла в райцентр: ребятишки гуляли весь день до позднего вечера, а уже 27-го апреля у некоторых пошла кровь из носа, стали чесаться веки. Мой Андрюшечка начал исходить кровью. Спасибо матери-свекрови: и тампоны с постным маслом в ноздри засовывала, и забили двух курочек, их печень в мясорубке измельчили и давали пить-есть вместе с гранатовым соком. Кровотечение прекратилось. Мы никто не понимали: что за напасть такая! А ведь моему ребеночку было всего десять с половиной лет! Но также заболели и его сверстники, и ребята постарше, и помладше. Врачи терялись и не могли правильно поставить диагноз. А 28-го пошли слухи про радиацию. Я послала мужа в Москву, чтобы все разузнал и купил счетчик Гейгера. Он обернулся за день — чуть свет выехал на проходящем поезде и ближе к полуночи вернулся. Приехал весь бледный, губы искусаны, в глазах страх. Он привез московские газеты, он пересказывал различные новости. Но, самое главное, в районе станции метро Красногвардейская он нашел больницу, где лечат от радиации. Там же неведомыми путями прошел на территорию, поговорил с несколькими врачами и в аптечном киоске купил необходимые на первое время лекарства. Денег не хватило — все лекарства импортные, в основном швейцарские и немецкие, а потому он снял с себя золотые часы и продал охраннику практически задешево.

Так время в нашей семье Наумовых остановилось. Андрюша таял на глазах. Свекровь стала бегать по знахаркам и по приворотницам. Сыночку в постель набрасывали гречишную шелуху и давали пить крапивный отвар — четыре раза в день. Корень ревеня выжимали и эти капли в чистом виде заливали моему ребеночку в нос. Он вырывал пипетки из моих рук, кричал. Боже мой, сколько сил приходилось тратить на уговоры! Но кровотечение мы сумели остановить. А уже через три недели не стало его лучшего товарища, с которым они в классе сидели за одной партой и вме-

сте играли на улице. Я Андрюшечке об этом больше года не говорила — так мне врач посоветовал.

Кормили нешлифованным рисом. Кашка была жиденькая-жиденькая, иначе он есть не мог. На голове были какие-то пятна типа лишая. Какими только мазями ни мазали, а помогла мазь Вишневского. Сыночек даже во двор стеснялся выходить — так весь пропах разными лекарствами. Купать его было нельзя, потому что начиналась аллергия. Приходилось брать большую лейку, специально купили капроновую на 4 литра, и поливать его. Затем медленно промокали воду. И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц. А на местном погосте появилась целая аллея из четырнадцати друзей Андрюшечки. Мама-свекровь какие только молебны ни заказывала, по каким пустыням ни ездила — наш мальчишечка если и не слабел, то и особых улучшений у него не было.

Каждый день приходилось менять постельное белье. Все семейные запасы быстро иссякли. В то время из Иваново приезжали женщины, которые торговали комплектами постельного белья, которое им выдавали на фабрике частично вместо заработной платы. Когда женщины узнали о пришедшей в семью Валентины Павловны беде, то продавали ей все максимально дешево — сострадали.

4

И вдруг семье Наумовых повезло: выявляя хронических больных, особенно детей, облздравотдел подал заявку в Минздрав СССР на включение группы детей из Брянска в общий список для лечения на Кубе.

— И соседки, и родня мне советовали не делать этого, не отдавать свою кровиночку, — вспоминает Валентина Павловна.

— Я очень колебалась, муж от переживаний вообще почернел. А тут пошла я с подружкой навестить могилу Витюшечки, лучшего друг моего Андрюшечки, и смотрю: на четыре могилы стало больше. Прямо на кладбище мне сделалось плохо. Хорошо, что у кого-то были с собой таблетки от сердца, иначе там бы я и осталась. Плакать я уже не могла — я давно уже вся исплакалась. Пришла домой, а муж только с одним вопросом: «Ну?» Я сказала, что сын должен лететь на Кубу. А соседки шипят мне в ухо:

— Что же ты, Валуха, своего сына не любишь? Неизвестно где и помрет.

Так я разругалась со всеми соседками. От нашей Брянской области поехало девятнадцать детей, мы, матери, старались вообще не смотреть в глаза друг другу. И чужих детей жалко, а своих еще больше. Мы дали сами себе молчаливую клятву: при детях не плакать. А Андрюшечка все держал мою руку и спрашивал: «Мама, ты меня не бросаешь?» Каждое его слово — он у меня кусочки из сердца вырывал.

Не было его почти полгода. Новости узнавали через Москву, потому что до Кубы не дозвониться. Я настолько нервничала, что сына не вижу, что решила даже по родне деньги собирать — на Кубу ехать. Но разлуку нам скрашивали — каждые двадцать дней присылали рисунки детей. Там среди детишек тест такой был — какой я вижу маму, какой я понимаю жизнь. Тамошние врачи в том числе и через рисунки проверяли эффективность лечения. Оказывается, ребенок в рисунке выражает свое состояние. Я все эти рисунки хранила и сравнивала. И поняла, что он не умрет, а вернется ко мне живым.

Через полгода Андрюшечка с друзьями вернулся. Никто не умер. Те, кто не мог ходить — ходить стали, те, кто мог ходить — стали более выносливыми. У всех ребят прекратилось кровотечение из носа, все они научились плавать. По вечерам я слушала диковинные рассказы Андрюшечки и с трудом верила тому, что он говорит. Жили они в домиках типа барака на берегу океана, принимали строго по часам таб-

летки, выпивали по целому кокосу на двоих. А еще их сажали в шезлонги на берегу океана рано утром и по вечерам и заставляли смотреть вдаль и делать дыхательную гимнастику. Болезнь перестала прогрессировать.

Когда я приехала с Андрюшечкой домой, то столько завистливых взглядов мы с ним почувствовали! Тогда же я фотографию Фиделя Кастро прикрепила на самое почетное и оберегаемое в нашем доме место. По ночам стала молиться, обращаясь и к Фиделю Кастро тоже. Сыночек рассказал мне, что Фиделя Кастро друзья называли «Барбудо» — «Бородач».

Еще через полтора года сын во второй раз поехал на Кубу. Приехала другая чиновница из облздрави и попыталась исподтишка вымогать деньги. Говорила о том, что как везет вашим детям, что они еще раз побывают на Кубе, что это она изо всех сил старается и для моего Андрюшечки тоже. Мы ей дали сто рублей, чтобы ненароком не нагадила и не помешала его лечению. Двое наших соседей своих детей посылать отказались. Хочу сказать, что они потом пожалели об этом: одна девочка через три года умерла, а у мальчика произошла дистрофия мышц ног и ходить он самостоятельно не может. Андрюшечка во второй раз пробыл на Кубе четыре с половиной месяца. Когда приехал обратно, то я посмотрела ему в глаза и поняла, что он будет жить.

Пригласила бабушку Надю-приворотницу. Она ходила вокруг двенадцатилетнего Андрюшечки без малого полтора часа. Все что-то шептала, разбрасывала вокруг него какие-то травы. А потом вынесла свой вердикт: «Все у твоего мальчика будет, и семья будет, и работа будет, и продолжение рода будет!»

5

Конечно, Валентине Павловне выпало очень много переживаний: в 1992 году от инсульта умер муж, ее нигде не хотели брать на работу, опасаясь, что раз она ухаживает за мальчиком, который был облучен, то и у нее есть радиация. А значит, и другие могут от нее тоже заболеть. Это невежество угнетало и возмущало Валентину Павловну. Но ничего поделать с обывательскими разговорами она не могла. И вот уже пятнадцать последних лет ходит к поездкам и продает картошку, огурчики, капустку, хоть как-то перебиваясь в этой жизни.

— Зато я Андрюшечку сохранила,— светится счастьем Валентина Павловна.— Сейчас ему уже тридцать три года. Два года назад сумел жениться: девки все за него замуж не шли, думали, что порченный какой-то. А тут к нам переселенцы переехали — русская семья из Казахстана. Он с ихней Наташей и познакомился. Она в Семипалатинске в детском саду музыкальным работником была. А Андрюшечка в детстве ходил в музыкальную школу, учился играть на фортепьяно. Пришла она как-то к нам в гости, стали они в четыре руки какую-то песню играть, а я сижу на кухне, реву беззвучно. И прошу Бога: хоть бы им вместе быть! Молитвы мои Бог услышал — они поженились. А сейчас она беременная, представляете, счастья-то сколько! А я теперь к поездкам не один, а три раза в день хожу! Сколько денег понадобится! Вот я и стараюсь.

6

А стараться приходится о-е-ей! Первый проходящий поезд через узловую станцию идет в начале шестого утра. Валентина Павловна встает в половине четвертого, варит картошечку, затем перекладывает в пластиковые судочки, посыпает укропчиком, кладет два малосольных огурчика, два тоненьких кусочка черного и белого хлеба, добавляет две столовые ложки квашеной капусты. Если повезет — зараз можно продать семь-восемь порций. Цена стандартная — 50 рублей. Валентина Павловна с

грустной усмешкой говорит, что проезжающие и здесь стараются поторговаться, чтобы сбить цену. Но все продавщицы стоят на своем.

В предрассвете по замерзшим лужицам, а бывает и в распутицу, идет она каждое утро на вокзал. А дома спит ее счастье, ее кровинушка — Андрюшечка, молодожен, будущий отец. Руки у парня золотые — прекрасный столяр. И шкафы-купе сам делает, не хуже, чем в московских мебельных салонах продают. А еще мастерит разные этажерки, комодики... Полрайцентра у него в очередь записано. А вот на работу молодого мужчину не берут, потому что официально читается инвалидом третьей группы. А если вдруг заболит, то все издержки лягут на предприятие. А у нас-то нынешние российские капиталисты деньги скорее в бане или в ресторане оставят, чем поддержат своего же соседа-земляка.

Смотрю на часы — седьмой час вечера. Недолго по времени до моего поезда — пора возвращаться обратно в Москву. Валентина Павловна всплескивает руками и начинает быстро, но в то же время аккуратно чистить картошку: два поезда пройдут, может рублей триста-четыре ста заработать удастся!

А на прозвище она не обижается! Каждый поздний вечер за пятнадцать минут до полуночи она повторяет ею же сочиненную молитву: «Слава тебе, райская земля Куба! Слава тебе, Фидель Кастро! Слава вам, замечательные кубинские врачи! Мой приговоренный к небытию сын жив, и живет благодаря вам!» Она крестится истово, в течение нескольких минут, затем на несколько секунд застывает в согбенной позе, потому что колени начинают сильно болеть, а поясницу тянет. Как становится полегче, опираясь двумя руками о кровать, медленно встает. Затем сидит на кровати, растирает колени.

Валентина Павловна никогда не глядится в зеркало, потому что боится встретиться глазами не с той, которой себя помнит, а с превращающейся в старуху женщиной. Но она не старуха, она — крепкий столб, который ставили раньше посреди избы. На нее опираются все: и мама-свекровь, и любимый сыночек Андрюшечка, и милая сердцу невестка. Поэтому она должна держаться, чтобы тянуть нить жизни и судьбы семейства Наумовых дальше — в будущее!

ТЕЩИН ЗАКЛАД

В дикий рынок Валерий окунулся еще в 1988 году — в прошлом веке. При одном из столичных райкомов комсомола стали развивать НТТМ — научно-техническое творчество молодежи, предназначенное для поощрения инициативы старшеклассников и студентов, предприимчивых молодых людей, которые хотели что-либо из своих разработок внедрить в производство.

Друг Валерия подсуетился первым и на базе одного из техникумов начал проводить видеосеансы: продавал входные билеты за 30 копеек, но сами билеты не выдавал. В душной классной комнате набивалось по 50—70 человек, все было внове, все казалось необычным и притягательным — сладость зарубежного быта. Показывали в основном слегка закамуфлированную порнографию.

Валерию было уже 26 лет. Он понимал, что путь, по которому идет друг, может когда-нибудь кончиться разбирательством с милицией, а то и уголовным преследованием. Поэтому он решил пойти своим путем: открыл музыкальный ларек. В райисполкоме ему пошли навстречу, тем более что новоявленный предприниматель не только обещал знакомить с записями лучших прогрессивных зарубежных певцов и музыкальных групп, но и был представителем современных бизнес-веяний, что подтверждалось и рекомендацией из райкома комсомола. Валерию выдали выкипировку и распоряжение райисполкома о месте нахождения ларька. Сгоревший и заброшен-

ный табачный киоск давно уже был бельмом на глазу у местного начальства. А вдруг у молодежи получится — подумали в райисполкоме. Валерий с друзьями не стал ремонтировать старый киоск, а вывез его. Откуда-то привез новый, сверкающий хромом и пластиковыми окнами. По вечерам маленькие лампочки загорались в яркую иллюминацию, а пульсирующий свет разноцветных огней манил посетить «мьюзик-халл» — музыкальный зал.

Никакого зала не было, но было окошко, где сидела привлекательная продавщица и, пошучивая с молодежью, предлагала буквально все, чего душа пожелает. Здесь были и кумиры прошлых лет, и современная музыкальная «попса», пользующаяся спросом у молодежи. Подобная всеядность — от «Биттлз» и «Лед Зеппелин» до «Ласкового мая» и Богдана Титомира приносила свои плоды — живые неучтенные деньги, часть которых не нужно было куда-то перечислять в качестве авторского вознаграждения. Плата за место была чисто символическая, продавщица была честной, потому что ей было приятно быть центром внимания у молодых людей. На этой самой продавщице, 22-летней Анечке, Валерий и женился. Сделал он это не без умысла: во-первых, возраст у него приближался к 30 годам; во-вторых, свою преданность она ему уже в работе доказала и репутация ее как девушки была безупречной; а в-третьих, став женой собственника ларька она уже работала не только за зарплату и за страх, но и за совесть: работала-то теперь и на себя!

У Анечки была мама. Теща оказалась пронырливой и пробивной теткой. Где-то на мясокомбинате она дешево брала колбасы разных сортов, а по вечерам разносила заказы по квартирам близлежащих домов. Мясные продукты были дешевле, чем в магазинах, а качество их было несравнимо лучше с побывавшими ранее в холодильных установках. В середине 1992 года возникла уникальная ситуация: доллар можно было купить еще за 7—8 рублей, автомашина «Волга» пока еще стоила 60—65 тысяч, а денег уже было в виде советских еще рублей великое множество.

Теща и сподвигла Валерия: покупай доллары и золотые изделия. Когда в 1993 году все рухнуло, Валерий увидел, что накопленные — скупленные по дешевке доллары превратились в самый ходовой товар. Однокомнатную квартиру можно было купить за две тысячи долларов. Он и купил три квартиры, потратив 11 тысяч долларов.

Работа в музыкальном ларьке была не такой веселой, яркой и праздничной, как казалась со стороны. Все время приходили какие-то ребята и требовали денег, иначе грозились сжечь. Местная власть тоже почувствовала вкус денег и ненавязчиво требовала внимания в виде подарков, оплаты обедов в ресторанах и даже выделения средств для поездки за границу. Пока это все было дешево и в допустимых пределах, Валерий по совету тещи терпел. Но потом, видимо, в сферу мелкого розничного товарооборота пришли серьезные криминальные авторитеты, потому что претензии к Валерию стали расти и расти. Он видел вокруг, как слегка разбогатевшие ребята очень быстро оказывались у разбитого корыта: у них путем создания искусственного долга впоследствии в качестве его возмещения забирали и машины, и электронную аппаратуру, и даже... квартиры. Что оставалось делать в такой ситуации?

И Валерий оформил все три купленные квартиры на тещу. Анечка не возражала, тем более, что уже родила двойню и была поглощена семейными заботами.

Теща поступила очень осмотрительно: предложила своему любимому зятю остаться проживать в ее муниципальной неприватизированной двухкомнатной квартире вместе со своей дочерью, а сама заняла однокомнатную из вновь купленных. Две квартиры начала потихоньку сдавать — за доллары.

Валерий потом не однажды благодарил мысленно тещу за осмотрительность, потому что в середине 1994 года его из бизнеса выдавили: пришел какой-то рыбoglазый белообрый парень и сказал, что дает за ларек полторы тысячи долларов, дает два часа, чтобы он вывез весь свой товар, в противном случае ежедневно его долговые

обязательства (неизвестно за что — неизвестно кому — и неизвестно на какой период) должны быть оплачены или будут увеличиваться. По всему выходило, что нужно было побыстрее освобождать место или ждать неприятностей. Надежды на милицию не было, потому он решил с этим видом бизнеса «завязать». К тому времени не было уже и комсомола, так что ни перед кем отчитываться Валерию не пришлось. Теща потихоньку продолжала «колбаситься-мясниться», а Валерий ее везде развозил. Но в 1998 году во время очередного дефолта и этот семейный бизнес рухнул, потому что доллар резко подорожал, а цены отпускные на мясокомбинате фактически сравнялись с магазинными — рыночными. Прибыль с трудом окупала затраты на горючее, содержание машины и получение небольшой зарплаты. Тогда Валерий вспомнил, что в свое время окончил МАДИ (Московский автомобильный институт) и вместе с группой друзей организовал строительную фирму. Конечно, больших денег это уже не давало, но на плаву сохраняться помогало. Кроме того, удалось легализовать 25 тысяч долларов, что способствовало возможности чувствовать себя более стабильно.

Увы, все когда-то кончается. Валерий склонен считать, что его кто-то сглазил, жена Валерия Анечка, еще недавно бойкая продавщица, а ныне — заматеревшая домохозяйка, считала, что любовь прошла, а жизнь одна, а серые будни изводили непреодолимой скукой. Двойне исполнилось по 17 лет, мальчики поступили в вуз. Постаревшая теща стала непереносимой — ворчливой. Дело потихоньку покатило к разводу. Им все и кончилось.

Перед разделом имущества в коридоре райсуда Валерий спросил у тещи: «Не отдадите ли вы мне двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме на Коломенской?» Теща ненавидяще посмотрела на зятя, который совсем скоро зятем быть перестанет, и показала ему кукиш:

— У тебя, Валерий, ничего нет, а потому уматывай побыстрее и ничего не проси.

После без малого двадцатилетнего периода жизни услышать подобное было неслыханным оскорблением. Однако препирательства типа «а я все купил, а вы сидели просто рядом» продолжались до тех пор, пока секретарь не пригласила всех в зал суда. Тут уже родственники сцепились основательно. Судья слушала-слушала, да и отложила заседание.

Кто-то из друзей надоумил Валерия искать адвоката, поднаторевшего на жилищных вопросах.

У настоящего специалиста в любой работе всегда есть собственные наработки, так называемые «ноу-хау», которые и делают его нужным, необходимым и квалифицированным как в глазах страждущих помощи, так и во время судопроизводства. Одну квартиру удалось все-таки переоформить на Валерия — тем более с учетом требований нового Жилищного кодекса, действующего с марта 2005 года.

Супруги разъехались, теща осталась в своей квартире, у Валерия теперь тоже есть крыша над головой. Но желание уйти от любой социальной ответственности перед государством обернулось личной драмой.

Яков Шафран
(г. Тула)

ТАК ЧУВСТВУЕТ СЕРДЦЕ
(Цикл рассказов)

Родился в поселке Брагин Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 году окончил Тульский политехнический институт и в 1997 году высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов — «Любимая, прости» в 2008 году и «Спасение рядом» в 2009 году. Участник поэтических сборников. Имеет свои странички на литсайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>. Живет в Туле.

РОДИНА

Как-то задумался о том, что для меня было родиной лет тридцать тому назад и что теперь. И оказалось, что родина — это пространство постоянно расширяющихся сотканных сердечных связей! Поначалу это могут быть родители, дети, близкий человек, и только.

А теперь представьте, связи множатся и разрастаются, включают в себя знакомых, друзей — близких и далеких, любимые места, и не обязательно только там, где живешь, а по всей стране, любимых русских писателей, художников, музыкантов, мыслителей, твои хорошие мысли, чувства, работу, которую делаешь с душой, совершенно незнакомых тебе людей, о которых хорошо подумал, посочувствовал, к которым проявил милосердие, или которые проявили это все по отношению к тебе, посаженное тобой деревце, читателей, понимающих тебя, города, реки, горы и леса, все, что способно охватить твое любящее сердце...

Этот список можно продолжать и продолжать... И чем больше будет это пространство сердечных связей, тем больше будет родина. Просто так чувствует сердце!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Утро, необычно теплое после череды холодных июньских дней, встретило приятным ветерком. Люди и машины еще спали, и воздух был прозрачен и чист. Тенистая аллея березовой рощи, давний друг, хвалилась своей ухоженной асфальтированной дорожкой. О ее необходимости в свое время писал, чтобы роща стала в любую погоду и во все времена года местом занятий физкультурников.

Один из них и бежал сейчас по алее, а сквозь кроны густых берез поблескивало чистое голубое небо и долгожданное ясно-солнышко. Роща была безлюдна, если не считать единственной собаки, которая прогуливалась своего хозяина, таща его за поводок.

Но вот поворот, и разливанное море солнца ослепило и напомнило о лете. Заиграли бесчисленные бриллианты росинок, рассыпанные по широкой поляне чьей-то щедрой рукой. Захотелось остановиться и окунуться в эту красу... но зарядка требовала хотя бы одного-двух километров легкого бега трусцой...

Еще поворот, снова тень... Но что это?.. Несколько совершенно сухих стволов, пни... Пожелтевшая трава... А вокруг ярко зеленеющая листва. И склонившиеся к этому месту, как бы сочувствующие, березы...

Впереди то тут, то там, среди старых домиков окрестных жителей, сказочными замками виднеются уже добротные двухэтажные коттеджи. За ними видны многоэтажные дома. А между домиками, коттеджами и рощей — обычная проселочная дорога, и по ее краям, со стороны рощи, растут садовые яблони и груши, вишни и сливы... Какой плавный переход от города к селу и роще, все связано и так щемяще красиво!

Тропинка уходит вглубь. Вокруг березы, березы... Прямые, стройные, одноствольные, и двуствольные, начиная от земли, или высоко в ветвях, а есть и трех-четырех ствольные, на любой вкус. На некоторых из них с северной стороны маленькие островки золотистого мха. И внизу заросли — горделиво неприступная крапива, серебристые колосья и добродушно развесистый лопух...

В противоположной стороне, вдали, в окружении зелени видны высокие современные многоэтажные дома. Кажется, что насаждения являются продолжением рощи, и это создает ощущение непрерывности и родства, взаимного притяжения всего вокруг. Свет солнца отражается от домов, и кажется, что они тянутся к роще всеми своими окнами...

Сделав полный круг, вновь попадаешь на большую, залитую солнцем поляну. Вверху океан голубой «перезвени», под ногами зеленое, украшенное белыми, желтыми и редкими, как бы смущенными, синими цветками росистое море. И уж тут не удержаться, снимаешь с себя все до плавок, и окунаешься в эту здоровую, долгожданную прохладу. Сначала ногами — Боже, какая радость эта роса, как приятен массаж от травы, от неровностей земли! Потом ложишься и всем телом вбираешь в себя этот целительный поцелуй Матери-Земли, истинной врачевательницы нашей!

А сверху свисают гирлянды зеленых ветвей. Это березовая роща приветствует, одобряет и благословляет меня на грядущий день.

Господи, как хорошо на Твоей Земле!

САМОЕ ГЛАВНОЕ!

Вот и наступило «бабье лето» и, несмотря на осеннюю прохладу, на солнце и тепло, и весело, и хочется ходить, ходить, и любоваться красотой ранней осени, встречаясь с добрыми старыми и новыми знакомыми. Вот и сегодня я познакомился с новым другом — бледноликой березовой рощей, что тянется белыми руками-стволами к ярко синему сентябрьскому небу. Увидел ее и уже не смог отвести глаз, ибо люблю подолгу глядеть на переливы листвы из зеленого в желтое, на верхушки деревьев, плывущих под небольшим ветерком в бездонную вечность, слушать колыхание ветвей, поющих тихую прощальную песню уходящим теплым дням, вдыхать свойственные только этому времени года запахи. Уже исчезли ароматы цветов, свежих и скошенных трав, вскопанной земли, и прибавились ароматы утренних туманов, дыма костров, опадающей листвы, увлажненной осенними дождями земли, и многие другие, которым нет еще имени. А когда подойдешь к березкам близко, то даже ощутишь их вкус, будто испил березового сока. И гладкие стволы, как девичьи руки, ответным теплом отзываются на ласковое прикосновение, листья нижних веток прият-

но щекочут лицо, и земля такая мягкая под ногами, словно хочет раздарить напоследок свою нежность перед тем, как отвердеть под долгим морозом нашей северной стороны.

Но вот солнце зашло за ствол одной из берез, и всю рощу до самой земли осенили прямые и широкие солнечные лучи, наполняя светом все, что они встречали на своем пути. И стволы, и ветки, и листва, и земля, и трава, и неба синева, все вокруг запело под лучами. Сначала тихо, потом все громче, и вот уже хор, набрав силу, поет: «Славься осень, дивная пора, вот глядится просинь в золото дубрав...» Все чувства обострены, душа летит, как птица, хочется обнять все вокруг, и так стоять и стоять, никуда не торопясь, очищаясь от вкуса сомнений, от запахов раздражения и от прикосновений лжи...

А золотая в лучах листва призывно машет и зовет идти дальше, от такого призыва трудно отказаться и награда не заставляет себя ждать. Я вышел на берег пруда, окаймленного смешанным лесом. Иные деревья стояли совсем зелеными, иные уже вовсю желтели, а меж ними была вся палитра переходных тонов. Лес отражался в чистом синем, как и небо, пруду. Краски были не искажены, в точности повторяя натуру, лишь чуть заметная легкая рябь на воде словно говорила: «Не забывайте обо мне, это — я, вода, и я играю во всей этой красе не последнюю, а может быть и самую, что ни на есть, первую роль!» И так хотелось окунуться в эту прозрачную синь, прикоснуться к камушкам дна, которые играли на солнце, как изумруды. Так хотелось посмотреть сквозь воду на солнце и на лесную красу, почувствовать вкус воды, услышать ее ласковое плескание и ощутить неповторимые запахи лесного пруда, которых нет ни у реки, ни у озера, ни у моря-океана, и смыть с себя все ненужное, все наносное, все несвойственное. Жаль, вода в ту пору была уже не для купания, да и воздух был холоден.

Но можно и, не окунаясь, слиться со всем окружающим. Достаточно мысленно и всеми своими чувствами стать частью этой красоты, раствориться в ней. Раствориться хотя бы на время, не ограничивая себя, столько, сколько захочется душе, мягко отгоняя все мысли и проблемы. И время остановится, и внутреннее пространство станет большим-большим, огромным, бесконечным, и новые силы начнут прибывать, вливаться широким потоком, и ты почувствуешь, что все вокруг — это ты, а ты — это все окружающее.

А это и есть самое главное!

НЕ ОБЕРНИСЬ

Леонид вышел на улицу и под моросящим дождем направился к гаражу, который находился через три квартала от дома. Утром погода была самая ясная, какая только может быть, а прогноз он не слышал. Капли неприятно стекали за воротник, сквозь дождевую дымку тускло светили фары непрерывно проезжающих машин, а настроение, и без того отвратительное, становилось еще хуже. И в эти минуты, как это часто бывает при нарастании негативных эмоций, мысли завертелись вокруг тревожившей его проблемной ситуации.

Вот уже третий год, как Леонид трудился в этой компании, но обещанной и ожидаемой им творческой работы, как не было, так и нет. Он прекрасно понимал, что обещать можно все, но не до такой же степени...

Конечно, для справедливости следует сказать, что Леонид торопился с этой работой, когда его «ушли» с предыдущей, «подсидели», как он любил выражаться. Нужно было содержать семью — у Леонида трое детей, а жена тогда сидела с новорожденной, и друзья помогли, подыскали по своим каналам, и поди плохо, по его специаль-

ности, по его квалификации, не исполнителем, и деньги почти те же. Все бы ничего, да терпеть он не мог рутину, статичность, текучку, чего греха таить, Леонид был творческой личностью, а развернуться в этом плане пока возможности у него не было, и в обозримой перспективе тоже, хотя было обещано... Но, как говорится, обещанного три года ждут!..

И самое обидное было то, что на старой работе такое развитие пошло, такие творческие процессы закрутились, такие результаты... ну, просто завидки берут! Хоть обратно иди... «А, может, и правда вернуться?» — подумал Леонид, открывая дверцу машины.

Запало в душу Леониду это «а может?..» Он думал, метался, курил по ночам одну за другой сигареты, но ничего путного не приходило в голову. Кроме воспоминаний о прошлой работе, где ни один день не был похож на предыдущий. Где были интересные результаты, а общение было доброжелательным и веселым. И совсем уже не помнились последовавшие за тем сплетни и интриги против него, предательство некоторых коллег, которых он считал друзьями. А уж о мотивах этого Леонид вообще думать не хотел.

«Пойти хоть на начало, взять новый участок работы, добиться, создать новое направление... С моими знаниями, опытом, энергией и изобретательностью... Ведь я там все, всех и вся знаю! А?.. Эх, была, не была!..» — решил он, гася под утро очередную сигарету.

Никому ничего не сказав, Леонид позвонил на работу, и предупредив, что будет во второй половине дня, вышел из дому. На улице снова начинался ежедневный, уже порядком надоевший дождь, небо все обложило тучами, а зонтик остался в прихожей на вешалке. В последнее время Леонид становился все более рассеянным и забывчивым. Потоптавшись в нерешительности, он повернул обратно. Сидевшая на лавочке под козырьком подъезда бабушка Шура, выведенная из полудремы этим крутым поворотом, воскликнула:

— Ты куда, милоч, дороги не будет!

— Зонт забыл.

— Да, ладно, не сахарный, не растаешь, чай.

— Вчера, пока от гаража добрался, промок. А сегодня деловая встреча... Буду, как мокрая курица! — возразил Леонид и решительно направился обратно.

На старой работе многие удивились, увидев Леонида, лишь некоторые искренне обрадовались, а кое-кто и насупился. Леонид сам чувствовал себя неадекватно, с одной стороны все до мельчайших деталей было ему знакомо, а с другой он как бы, находясь одной ногой в настоящем, второй шагнул в прошлое. От этого было раздвоение и ощущение, какое бывает, когда кажется, что проснулся, но на самом деле продолжаешь спать, и видишь сон, в котором все до мелочей свидетельствует, что ты уже не спишь, и только какие-то, чуть заметные, зыбкие детали говорят о нереальности, и холодок чувствуешь под ложечкой, и мурашки пробегают по спине, когда понимаешь, что это обман...

Руководство приняло Леонида так, как будто ничего не было в прошлом. Лишь чуть-чуть заметные усмешки в уголках губ, но Леонид на такие вещи никогда особенно не реагировал, и сейчас решил не обращать внимания. Для него всегда только работа имела значение. И они знали, какой он работник и сразу согласились взять его, обещав новое направление, обещав такую же зарплату. Но не сразу, конечно, он же должен понимать, не все зависит от них. Нужно показать первые результаты, получить одобрение у кого-то наверху.

Леонид слушал и, хотя состояние раздвоенности во времени, начавшееся у него,

когда он ступил на порог компании, не прекращалось, знал только одно, что кончились рутина, скука, тоска, которые грызли его на той работе, и хуже которых для него уже ничего не было. И он дал согласие...

Странное дело, за рулем, по дороге домой, состояние не уходило, а, напротив, даже усилилось, что сопровождалось подташниванием. «Простыл, наверное, вчера под дождем», — подумал Леонид, хотя чувствовал, что ни температуры, ни других обычных признаков простуды нет. Что-то угнетало его, руки нехотя крутили баранку, было желание остановиться, выйти из машины, и пойти, куда глаза глядят, а лучше всего в лес, на худой конец, в парк... Но Леонид был очень волевым человеком, и он подавил в себе все это силой одной воли!..

Дома стоял шум и гам. Трехлетняя дочка о чем-то безутешно плакала, как плачут только маленькие дети, словно в их жизни произошла великая трагедия. Жена разбросала какие-то старые коробки в кладовой, выбрасывая оттуда кое-что в комнату. А в детской громко спорили семилетние близнецы Света и Витя, спор их все разгорался. Наконец, дверь распахнулась, и они красные, взъерошенные, крича, и указывая друг на друга пальцем, вбежали в комнату.

— Пап, а чего она дерется?!

— А чего он переживает назад? Разве можно переживать? Я так не играю, понял?!

— Тише, тише дети!.. Во что вы играете? — спросил Леонид.

— В шашки! — хором ответили оба.

— А ни в какую игру нельзя переживать!.. — нашла Света.

— Пап, ну, можно?.. — добивался своего Витя.

— Конечно, нельзя, что ж это за игра будет, если переживать...

— Понял?! — торжествовала дочь.

— Всегда ты, папочка ее за-щи-ща-ешь! — обиженный «несправедливостью судьбы» возмутился, чуть не плача, сын...

Леонид ушел от непривычной для него дневной домашней реальности к себе и сел писать заявление.

«Прошу уволить меня с занимаемой должности, в связи с...» — решительно вывела его рука...

...Прошло три года, Леонид как-то поседел, потолстел, потерял форму. Костюм, ранее сидевший на нем с иголочки, сейчас висел, как мешок, движения стали поугловатее, и глаза его, ранее блиставшие энергией, и заставлявшие верить его словам и решениям, ныне погасли. Машина его была потускневшей, а часто просто невымытой, на домашнем рабочем столе была свалка, Леонид давно не брал работу на дом, не разбирал бумаг, и не наводил порядок у себя.

Но дело было даже не в этом, что это все по сравнению с той глубокой апатией, которая разлилась болотом, трясиной в его душе, и все тянула, тянула его вниз, куда-то вглубь, камнем на шее, топила его, не давала вздохнуть и открыть глаза. Леонид душою медленно умирал, задыхаясь, как от удушья, и сильнее всего это было на работе, там ему стоило больших усилий выводить себя из состояния ступора, ступора мысли и чувств, хотя физически он часто даже суетился.

По дороге домой и дома, когда происходило что-то, что раньше его могло обрадовать, рассмешить, какая-то ситуация, что-то в разговоре домашних, или в телепередаче, вдруг какая-то печать накладывалась на его душу, на уста, на глаза, и все гасло, все... Он жил, как автомат, но автомат с уже почти разрядившимся аккумулятором. И так было уже давно...

...Однажды, придя с работы, Леонид застал жену и детей за чтением книги. Он стал раздеваться в прихожей, как всегда, пассивно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. В этом состояла вся душевная активность, которую он проявлял дома в последнее время. Вот и сейчас он прислушался...

«И как он медлил, то мужи те по милости к нему Господней, взяли за руку его, и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города... Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом».

Жена оторвалась от Книги, и взглянула на Леонида.

— Что ты стоишь, проходи... Ужинать будешь?

Но Леонид стоял, как столб ...

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Антон пришел в офис, как обычно, за пятнадцать минут до начала работы. К этому времени почти все сотрудники уже на своих местах, и ровно в десять начнется размеренный, такой же, как вчера, позавчера, месяц и год тому назад, рабочий день. Никто и ничто не в силах изменить этот заведенный порядок во всех его проявлениях, начиная с одежды, дизайна помещений и кончая делопроизводством на всех уровнях, снизу доверху. Все разнообразие заключалось лишь в том, что сегодня первая выкуренная сигарета будет не в десять сорок пять, а в одиннадцать пятнадцать, предобеденная чашка кофе на двадцать минут раньше, чем вчера, и обедать будут не в Макдоналдсе, а в Ростиксе. И так, каждый день лишь с чуть заметными вариациями, которые не нарушают этот порядок, а лишь подчеркивают его незыблемость. Порядок царил в офисе, все подчинялось ему, это он говорил устами секретарши: «У вас галстук немного ярковат» или «Где вы взяли рубашку с таким допотопным воротничком?» Впереди виделась бесконечная череда одинаковых рабочих дней, одинаковых выходных, тоже с небогатым набором дел и развлечений, повторяющихся изо дня в день. Можно было легко предвидеть, что скажет тот или иной сотрудник, жена или сын в ответ на твой вопрос или замечание.

В этом единообразии жизнь летела, как стрела, выпущенная из лука кем-то, когда-то и без твоего ведома. Хотелось крикнуть жизни: «Стой, остановись! Куда ты несешься, как угорелая?» Но никто не кричал, и лишь глубокое бездонное недоумение по этому поводу читал Антон в глазах сотрудников и домочадцев, предполагая, что они то же самое читают и в его глазах. И имя всему этому было — тоска.

По всей видимости, сегодня она перешла некий предел, и, когда Антон ехал домой, им овладела давящая все и вся отупелость. Мыслей после работы у него уже давно не бывало, а сегодня ничто не оставляло в его душе даже обычных эмоциональных откликов. Каким-то краешком своего сознания он понимал, что это не умственная усталость, а самая настоящая душевная тупость, но ничего поделать с этим не мог. Прогоны между станциями метро пролетали, как дни, месяцы и годы его жизни, и осознание этого еще более усугубляло его теперешнее состояние.

Жена смотрела очередной сериал, оторвавшись только затем, чтобы приветствовать его дежурной улыбкой. Чада были заняты своими обычными делами: сын играл на компьютере, а дочь одним глазом глядела на экран dvd-плеера, где демонстрировался какой-то молодежный фильм, а другим — в свой всегдашний журнал. Все было, как всегда. И ужин был обычным, как всегда, и пиво его любимое, которое он пил каждый вечер. На кухне царил идеальный порядок, все блестело, даже пепельница, возле которой лежали его сигареты и зажигалка — он любил покурить после ужина.

Ничто не нарушало обычного заведенного хода вещей, ничто, впрочем, кроме одного — все усиливающейся тоски. Она опускала ему веки, закрывала глаза, кото-

рые и так ни на что не хотели смотреть. Наскоро поужинав и покурив, не приняв душ, Антон тихо прошел в спальню, и завалился на постель. Сон не шел, сознание тяжело ворочало неясные, но тяжелые глыбы каких-то темных образов, и он долго лежал, изредка переворачиваясь с боку на бок. Откуда-то появились шеренги людей на одно лицо, в одинаковых темно-серых костюмах, белых рубашках, похожих галстуках и черных ботинках, которые шли по улице. Женщины выделялись среди мужчин только формами тела и наличием юбок вместо брюк. Вокруг стояли абсолютно одинаковые дома, по мостовой двигались абсолютно одинаковые автомашины, витрины соответствующих магазинов и их вывески были абсолютно одинаковы. Если кто-то улыбался, то все начинали улыбаться, если кто-то хмурил брови, то все начинали хмуриться, если кто-то покупал гамбургер, то все начинали есть гамбургеры. Антон обнаружил, что и он является одним из этих людей, у него мурашки побежали по спине, он захотел бежать, но не мог повернуть в сторону и перейти на бег, как ни силится — ноги не слушались его, они были частью шеренги, как и он сам.

Но вдруг, что-то произошло, шеренги расстроились, шаг сбился, люди в страхе стали хватать друг друга за руки, любопытные высыпали из магазинов, заведений и офисов. Никто не мог понять, в чем дело, на всех лицах была написана растерянность. Откуда-то стала звучать мелодия, и она была не похожа ни на что слышанное ранее. Когда же ритмичный топот тысяч ног стих, так как люди остановились, Антон услышал музыку. Это играла флейта. Она звучала все громче и громче, заполняя собой все пространство и вовне, и внутри. Вот высокая долгая нота ее задрожала на пределе, задрожала и оборвалась... Антон начал метаться и искать, где же эта флейта, где эта мелодия, искать как что-то родное и близкое, которое столько искал, нашел и, вдруг, потерял — Боже, ну, где же она?! — вначале по улице, расталкивая таких же мечущихся, как он сам, потом в чем-то темном, вязком и давящем, потом в постели...

Он открыл глаза, продолжая шарить вокруг себя по простыни, по одеялу, оглядывая темную комнату и тяжело дыша. «Господи, что же это было?.. Мелодия... музыка... флейта... Флейта, ну, конечно, флейта!..» Это была флейта, его флейта, на которой он играл в детстве и подростковом, по классу которой он даже одно время учился в музыкальной школе, и подавал большие надежды. Все преподаватели говорили ему о таланте и прочили блестящее будущее. Но родители рассуждали практически, да что родители, он и сам так рассуждал — в наш век нужно заниматься бизнесом, все остальное нужно забыть! Забыть?! «Но почему забыть?! Почему нужно было забыть?!» — думал он сейчас.

Антон находился еще на грани сна и реальности, когда размыты все каноны и установки сознания, когда низвергнуты все авторитеты бытия, когда ясно слышен один голос, голос сердца. И этот голос говорил ему сейчас, спустя почти двадцать лет: «Возьми свою флейту. Почему нельзя заниматься бизнесом и играть на флейте? Смешно? Будут смеяться? Почему не смеются над богатыми, которые, как дети, занимаются тем, чем они хотят? Вернись к себе, возьми свою флейту и играй! У тебя талант, и ты должен его реализовать в жизни, ты должен играть, по крайней мере, для себя и людей, которые тебя окружают, это исцелит и возродит тебя, как вода возрождает засохшее дерево, путника, умирающего от жажды, землю, потрескавшуюся от зноя! Играй, не бойся быть инаковым, непохожим, будь собой!»

Флейта лежала на том же самом месте, где она лежала всегда, несмотря на все переезды. Почему она хранилась, никто в семье не смог бы дать вразумительного ответа, но она хранилась, то ли как реликвия, то ли как память, то ли просто в силу своей необычности. Он бережно вытащил сверток, развернул, осторожно взял флейту двумя пальцами, словно боясь сломать, некоторое время просто держал ее, привыкая, потом нерешительно поднес к губам и издал несколько звуков. Руки дрожали, он перевел дыхание и закурил. Звуки, вызванные им к жизни, успокоили его и вызвали к

жизни приятные воспоминания, связанные с музыкой. Антон снова взял флейту, на этот раз увереннее, и заиграл, заиграл, не думая ни о чем — ни о том, что скажут жена и дети, соседи, коллеги по работе, друзья и знакомые, заиграл во всю силу своих легких. И случилось странное, вначале замолкли виртуальные взрывы и выстрелы, затем гвалт и гомон сериальных разборок, и громкие глухие ритмы тяжелого рока, в квартире смолкло все, кроме флейты. Через некоторое время в спальню вошли по очереди с широко раскрытыми испуганными глазами жена, удивленная дочь и насмешливо ухмыляющийся сын. Но по мере того, как они слушали мелодию, которая все больше и больше звучала, заполняя собой пространство, видели непередаваемое выражение глаз отца, движения его рук и всего тела, лица жены и детей светлели и становились естественными, словно очищаясь от всего не свойственного их душе.

На следующий день Антон принес флейту на работу. Он решил играть несколько минут перед началом работы, после работы и подольше в обеденный перерыв. Реакция сотрудников была похожа на реакцию домочадцев, были и насмешки, и откровенные издевательства, и верчение пальцем у виска, и просто сочувственные улыбки и взгляды. Но, затем, люди все с большим и большим интересом стали относиться к игре Антона, а через месяц они уже не представляли себе, придя на работу, что не услышат чудесных очищающих душу и воодушевляющих мелодий этой удивительной флейты.

Вскоре у сотрудников дома появились семейные портреты, писанные маслом и акварелью, натюрморты. Одежда их на работе, продолжая оставаться достаточно строгой, стала более разнообразной. Стали регулярными совместные выезды за город, походы в театр и на концерт, на день рождения виновники торжества получали поздравления в стихах.

Главное же было не это — у всех посветлели лица, засветились и потеплели глаза, подобрели отношения, и после работы люди понесли это состояние и в транспорт, и в свои дома. И там все постепенно стало меняться к лучшему.

Ведь хорошее тоже заразно!

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Ему не везло. И не просто, а очень не везло. За что бы он ни брался, все через некоторое время рассыпалось в пух и прах. И это при том, что он обладал творческим умом, мог выдать фонтан идей, владел многими знаниями, практическими навыками организации и успешного ведения дела. Все равно рассыпалось. И, если бы сразу, так нет, идет-идет дело месяц, год, а потом все рушится, все разваливается. Когда-то быстрее это происходит, когда-то медленнее, но успеха нет. И так уже много лет. К кому, и к чему только ни обращался Борис — и к философии, и к целителям, и к экстрасенсам, и к психологам, всех не упомнишь. Получит временное облегчение души, начнет новое дело, и снова вниз по наезженной колее.

Вот научили его делать круг радости, чтобы любое дело начинать с положительных эмоций, с радости всех его участников и далее периодически подкреплять это состояние.

Хорошее дело затеял он, и с новыми людьми, и в другом городе... Через полгода не только от радости, но и от дела ничего практически не осталось.

Поехал Борис в другой город, где один человек очень заинтересовался его деловым предложением. После первого же делового контакта и потом, в течение полугода, все развивалось на подъеме, подключались все новые и новые люди, открывались возможности и перспективы. И, вдруг, в один прекрасный день, без объяснения причин этот человек, главный партнер Бориса выходит из дела, а с ним и остальные. Позже стало известно о создании этой группой людей новой компании.

Кто-то из специалистов посоветовал Борису работать корпоративно, в духе времени, помогать предпринимателям — своим партнерам, связанным с его делом, в их бизнесе. По принципу, будет успех у них, будет и у тебя. Хороший принцип, но в его случае не сработал. Несколько месяцев он потратил только на то, чтобы помочь им раскрутиться. А в итоге, они стали сотрудничать с его конкурентом.

Однажды Борис решил вернуться работать в родной город. Нашел старых друзей, возобновил старые связи. Сколько радости было при встречах, сколько общих воспоминаний, воодушевления, планов и договоренностей, сколько обещаний — ну, теперь уж навсегда, не расстанемся, будем работать и вместе достигнем успеха, уж если не мы, друзья, то кто же! Создать дело удалось, правда, не со всеми, и поработать на славу удалось, но не более года.

Или взять его проект с китайцами. Лучше не было никогда — несколько направлений, и быстро все заработало, договора, клиенты, деньги, и, что удивительно, оставалось еще свободное время занятиям для души и для личной жизни... Но китайцев в один прекрасный день прикрыли, и все полетело в тартарары: и договора, и деньги, и свободное время с личной жизнью вместе...

Как-то решил Борис не сам дело организовать, а взять дочернюю фирму, мол, не совсем мое дело, да, и я не главным буду, может пронесет... Не пронесло... Руководитель бросил дело, и дочерняя фирма оказалась не востребованной.

Но он не растерялся, вышел тут же на руководство корпорации и сумел доказать выгоду для них его фирмы и ее переподчинения непосредственно им... Не помогло, вернее дело поначалу пошло хорошо, но потом все, как всегда... И тут не растерялся Борис, стал собирать куски дела под свое крыло, сам пошел на рынок, эх, была, не была! Какая тут «была, не была» при таком невезении, это было уже просто бравадой.

После этого порыва, все вообще заскользило с бешеной скоростью по наклонной плоскости. Первым подкачало здоровье, да основательно. Вот было оно, и в один прекрасный момент его не стало, и до сих пор проблемы, то одно, то другое, так, что он уже забыл, что оно было когда-то, его железное здоровье. Потом прогорел его строительный проект, уже не как дело, а как жилье для дочери. Дела стали совсем швах, и пришлось в уплату всех долгов отдать квартиру и жить у матери. От такой жизни ушла жена. Одно хорошо, хоть дочь уже была взрослой.

Жизнь для Бориса закончилась, и деловая, и семейная, и всякая вообще, ибо сама воля к жизни иссякла. Стал он, как тень и от тоски, и от полного одиночества, и от недоедания. Жить они с матерью стали на его случайные заработки от «купил-продал» да на ее пенсию. Благо, что пить не стал, держался, хотя доброхотов-соблазнитель был хоть отбавляй. Курил, правда, одну за другой, да все дешевую отраву. Навалилась депрессия, он мог долго сидеть где-нибудь на лавочке, ни о чем не думая, тупо глядя перед собой.

Так было и в тот день, когда пронзительный детский крик разорвал пространство. Борис вздрогнул и увидел перед собой маленькую девочку, лежащую в пыли на дорожке, зашедшую в крике, рядом велосипед, подростка с испуганным бледным лицом и трясущимися руками, и бегущую к ним, вернее большими прыжками несущуюся, с ужасом, застывшим в глазах, и протянутыми вперед руками мать.

Что-то поразило его в этом подростке, но думать было некогда, он вскочил, подбежал, и, забыв все на свете, отдался этой ситуации помощи и заботы, как своему кровному делу — вправлял суставчик, промывал рану и ссадины, бегал за перевязочными материалами и вызывал скорую, одновременно отхаживал и успокаивал мать, и воспитывал подростка. Приехала «скорая», он посадил девочку с матерью и сел сам...

Это происшествие вывело его из транса, в котором он пребывал последнее время и, когда он возвращался домой пешком, здесь было недалеко, мысли его были уже в

настоящем, он жил этим событием, был здесь и сейчас. Он вспомнил, что его внимание что-то привлекло в том пареньке. Он вызвал в памяти его образ и ... остановился, чуть не сбив женщину с пакетом. «Боже, да он же, как две капли, похож на меня в детстве!..»

Борис не пошел домой, а завернул в парк. Он ходил по аллеям, а в это время внутри ретроспективно проходила вся его жизнь. Словно кто-то прокручивал киноленту с конца на начало, быстро, как в режиме перемотки, но он при этом каким-то образом успевал все осознать.

Он споткнулся о какую-то корягу, ушиб ногу и нагнулся, чтобы погладить ее, и, вдруг, в сознании выплыло воспоминание. Вот он так же, согнувшись, глядит в шелку, а там в комнате отец, вернувшись с сенокоса, моется в корыте, думая, что сын в школе. Он впервые видит отца совсем голым, видит все его достоинство, и что-то заставляет его улыбаться все шире и шире, вот он уже тихо, трясясь, смеется и, обернувшись, зовет Саньку, друга, поглядеть. И вот они уже молча давятся от смеха вместе...

А вот он вечером неслышно ходит за отцом, который хлопочет во дворе по хозяйству, и, кривляясь, передразнивает все его движения...

«Неужели это я, неужели это было со мной?! — думает Борис, но образы такие яркие, как будто только из вчера, и все сомнения исчезают. — Боже мой, отец, как я мог?! А сколько было еще подобных моментов?..» Он передернул плечами, вспомнить не хотелось. «Отец, прости меня, прости, если слышишь, и если можешь, прости!..» Так он ходил по полупустынным аллеям парка и думал, думал о том, что так до самой смерти отца они и не поговорили по душам, и, самое главное, он осознал это сейчас определенно и очень остро, он так и не попросил у отца прощения за свои выходки! Да он и забыл о них начисто!.. Если бы не сегодняшний случай... Что заставило его вспомнить все это и внутренне, в душе просить у отца прощения, он не знал, да и никогда не интересовался такими вещами.

Но вот в его душе, в его голове вновь возникли эти моменты прошлого, и он вел себя в них почему-то уже совершенно иначе, так, как он вел бы себя сейчас! Лента его жизни стала прокручиваться в обратном порядке, останавливаясь на всех ярких моментах его отношений с отцом, вплоть до его смерти...

Долго ли он так ходил по парку, Борис не помнил, но он понял, что сейчас он прожил свою новую жизнь с отцом! Он чувствовал себя по-другому! Он пришел домой другим человеком!

С этого дня жизнь его стала другой.

Алексей Яшин
(г. Тула)

«КОГДА УСТАЛАЯ ПОДЛОДКА...»

♦ Николай Андреянович в морозный декабрьский воскресный день от души погулял в парке, благо вход в него в минуту ходьбы от дома, посмотрел на уток в зооуголке, сбившихся в серую толпу на незамерзающей, подогреваемой водопроводной водой из шланга полынье, вовсе с содроганием понаблюдав за подледными рыбаками, тож густо обсевшими свои лунки на среднем и нижнем прудах... Жалея от всей души, что в новейшие времена знаменитую на весь город парковую стекляшку-забегаловку «Снежинка» уже несколько лет как приватизировали и переквалифицировали под стриптиз-бар, Николай Андреянович мысленно взгрустнул: теперь некуда зайти после освежающей прогулки со вкусом выпить стопку водки, перекинуться парой слов с непременно встретившимися там же знакомыми, а домой явиться уже не цуциком замерзшим, а таким розовощеким молодцем. Эх, времена нынче... Уже смеркалось.

Однако поздний домашний обед подвинул к благодушию: стриптиз так стриптиз — по просьбе, так сказать, трудящихся бизнеса. С часок подремал, а потом уселся за свой рабочий столик, место для которого и полки с оперативного пользования книгами с трудом отвоевал в углу комнаты перед окном с балконной дверью. Занялся своим очередным изобретением — на службе времени на эти дела не оставалось.

Справа раздражающе хрюкал, визжал, порой орал телевизор, который урывками между приготовлением котлет смотрела с увлечением жена. Впрочем, когда звук становился совсем уж громким, выходил из своей комнаты сын и приглушал. Все же боковым зрением Николай Андреянович отмечал помимо воли и желания происходящее на экране: все то же самое, осточертевшее. Америкосы заканчивают свой кровавый спектакль в Афганистане, российские генералы в своих высоченных картузах чуть не взасос целуются-милуются с натовцами, какой-то очередной министр по части экономики со странно звучащей фамилией требует равняться на Европу: там, дескать, население за энергоносители платит в шесть раз больше. Только забывает, малопамятный, что и зарплата у них и не в шесть, а в сто раз больше! Тьфу!

С кухни завлекательно пахло свежеподжаренными котлетами. Скоро и ужинать. Видно, и жене наскучило слушать и смотреть про нерушимую отныне и навек нежную любовь двух великих народов: очень великого американского и несколько менее великого россиянского, и она переключила на другую программу. В этот момент Николай Андреянович вышел в санузел покурить, одновременно ломая голову: как обосновать в своем изобретении, что изменение форм стабилизаторов не скажется на траекторных характеристиках ракеты?

Решение все никак не приходило, потому изобретатель на какое-то время впал в хандру и скепсис: «И зачем я все изобретаю и изобретаю? Вон Серега Зябликов, на что выдающийся по этой части инженер был, а на все плюнул, в бизнес этот самый пошел, весь день телевизор смотрит, ругает нынешнюю жизнь и портвейн пьет, по революционным праздникам — коньяк.

Вот по инерции и для гимнастики ума изобретаю, заявки на патенты подаю, а кому они нужны? Военная промышленность на ладан дышит, да и патенты сейчас сделали все открытые: читай, потенциальный враг, и делай себе на дармовщину. Потом этими же ракетами и нас долбить будут. Ведь до смешного в этой жизни доходит — сквозь слезы конечно. Америкосы не один миллиард своих поганных баксов потратили, чтобы сделать подводную ракету, которая у нас на вооружении подлодок стоит, но не получается. Так они у московского профессора чертежи аж за шестнадцать тысяч долларов (!) купили — видно подсчитали сколько душа продажная стоит. Самое интересное, что агента американского, что чертежи купил, через неделю отпустили восвояси. Дескать, болен он тяжело! Народ на работе смеялся: наверное, и чертежи купленные ему отдали: частная собственность теперь в России священна!» Вдругорядь за вечер сплюнув, Николай Андреевич вернулся к рабочему столу.

Жена, расположившаяся по причине готовности котлет перед телевизором, встретила его словами: «Смотри, за четверть века ни капельки не изменилась!» — на экране за роялем сидела Александра Пахмутова, играла свою новую мелодию. «Не четверть века, а тридцать пять лет она одинаково выглядит», — пробормотал Николай Андреевич, наконец-то придумавший обоснование своей технической идеи. Однако с интересом посмотрел на экран, вспомнил давнее, теплое.

◆ Николка, несмотря на свое «дикое» маячное детство, в школьно-интернатской среде вовсе был человеком не замкнутым, напротив — очень даже общительным, изобретательным шалуном в меру. Однако все же воспитанная веками в его предках старообрядческая традиция отстранения от того, что в наше время называется «общественной деятельностью», зримо жила в школьнике 2-ой ступени. Поэтому Николка очень озадачился, когда его, ничем особым не примечательного девятиклассника, ближе к концу второй же четверти, а точнее в начале опять же второй декады декабря месяца (в новейшие, постсоветские времена это бы называлось: между ханукой и байрамом), через посыльного юного пионера вызвала к себе в крохотный кабинет старшая пионервожатая Ирина Сергеевна и с порога огорошила: ушел из школы Николаев из 10 «Б» — его отца перевели на Черноморский флот — и появилась вакансия заведующего школьным радиоузелом.

Николка, ожидавший чего угодно, только не подобного начала разговора, примерно сообразил, что означает малознакомое слово, на которые Ирина была большая охотница. Припомнил, что и радиоузел, чаще ребятами и учителями называемый по-военному радиорубкой, по сложной должностной расцеховке входит в сферу забот старшей пионервожатой — в миру учителя литературы в средних классах.

— ...Так вот, руководство школы рекомендовало тебя, сама Мария Ивановна о тебе хорошего мнения, Алексей Васильевич говорит, что в радиоделе ты хорошо понимаешь.

По глазам вечно озабоченной своими хлопотными обязанностями Ирины Сергеевны было видно: не отвертись, голубчик!

Здесь и Николке все стало ясно-понятно: недавно ставшая новым директором школы Мария Ивановна хорошо его знала по урокам русского и литературы, начиная с пятого класса, всегда отмечала изустно прилежание устойчивого «хорошиста» (отличникам она вполне справедливо не доверяла — житейский опыт!). А Алексей Васильевич вел у них радиодело — с девятого класса началось производственное обучение, великий эксперимент времен Никиты Сергеевича; Николка выбрал специальность радиотелеграфиста, поскольку с шестого класса уже дружил с паяльником и радиосхемами. Потому был сразу отмечен зорким мичманом-педагогом.

Хотя предложение было совершенно неожиданным, Николка, собрав мысли и доводы, выделил два противоборствующих момента: с одной стороны, дополнитель-

ные хлопоты вовсе не к чему, с другой? С другой — дело представлялось не таким уж и мрачным. Надо сказать, будучи наследником духа все тех же старообрядцев, Николка с детства мечтал о своем «угле», где он был бы единоличным хозяином. А до сих пор получалось так, что этого-то угла он и не имел. До шестого класса включительно, когда семья жила на маяке, а Николка в интернате, и помыслить о подобном нельзя. И теперь, когда переехали в Полярный, в тесноте маленького домика Николка делил крохотную спальню с двумя меньшими братишками. А тут — радиорубка с двумя помещениями, соединенными занимательным коридором-лестницей, с отдельным входом, со своим ключом... словом, Николка согласился.

— Вот и замечательно,— обрадовалась Ирина Сергеевна, приписав успех дела исключительно своим педагогическим способностям,— подходи после третьего урока к радиопузлу, я освобожусь и все тебе покажу. А пока подумай о помощнике — положено по штату и по технике безопасности. Да-а, надеюсь, что ты не куришь? И курильщики *к себе* не пускай!

♦ Помощником Николка, не раздумывая, взял друга и одноклассника Сашку Белозерова, с которым вот уже второй учебный год обслуживал хозяйство радиорубки. Утром он открывал личным ключом дверь, отведя плотную, звукогасящую портьеру, входил в аппаратную — комнатку без окон — и включал студийный усилитель и приемник «Казахстан», тоже профессиональный, находил музыкальную программу и перед общешкольной линейкой с пятю минут транслировал на все три этажа и пристройку для младших классов лихие песни и марши оптимистичных 60-х годов. Затем за портьеру входила старшая пионервожатая или дежурная в этот день по школе учительница, нередко — завуч или сама Мария Ивановна — в зависимости от категории проводимой линейки. Николка переключал усилитель на микрофон.

Другая часть должностных обязанностей Николки и Сашки относилась к озвучиванию всех школьных вечеров и торжеств, происходивших в актовом зале. Поэтому вторая комната, просторная и с большим окном, располагалась на полтора метра выше уровня пола этажа; от входной двери, мимо портьеры аппаратной, в нее нужно было подниматься по крутой лесенке. В стене, отделявшей комнату от зала, имелась пара отверстий, через которые «крутили картины». Кинопроектор был автономным от Николки, а в роли киномеханика выступал учитель труда. Правда, своего ключа от владений Николки у него не имелось.

Музыку на субботние и праздничные танцы Николка давал от проигрывателя и магнитофона «Комета». Имелась и вторая «Комета», считавшаяся хронически неисправной, но Сашка Белозеров как-то привел подчиненного своего отца, матросарадиста с техникумовским образованием по специальности, и тот за вечер вернул его в строй действующих. Николка с Сашкой поочередно брали его к себе домой.

Вошедши в роль ответственного за музыку на школьных танцах, а также на музыкальных лекториях, что раз-два в месяц проводили в актовом зале для старшеклассников, Николка еще раз проверил на себе великую правоту пословицы: что Бог ни делает — делает к лучшему. А именно: общественное поручение заставило его задуматься, склонного сызмальства к философствованию, о сущности музыки, в частности, музыки современной. Анализировал он содержание грампластинок и магнитофонных записей, что входили в репертуар танцевечеров, но многое давали и беседы с Сашкой Белозеровым, закончившим детскую музыкальную школу.

Беседы свои они вели после уроков, всю пользуясь невиданной привилегией иметь свое «хозяйство» в строгих школьных стенах. Вообще говоря, для ребят заполярного города с его полугодовой северной ночью, да еще и учитывая оптимистичские 60-е годы, школа была не только и не столько официальным местом; она же была их клубом. Теплом почти что домашним веяло в стенах здания еще довоенной постройки... По всей видимости, тем же она была и для большинства учителей, то бишь

учительниц, как правило, жен офицеров-моряков, которые постоянно и подолгу отсутствовали дома, находясь в дальних походах, на учениях-маневрах, в длительных командировках на другие флота страны. Флоты в те времена были действующими, корабли у пирсов не застаивались до ржавчины.

Может учительниц, бывших ленинградок, и пугала отчужденность и пустота — без мужей — казенных квартир, потому они и проводили в школе целый день, благо и собственные дети здесь же под рукой: на уроках, в кружках, на ближнем катке, на лыжах на недалекой же горке...

Купив в школьном буфете бутербродов с колбасой и пирожков с повидлом, Николка со своим замом запирались в радиоаппартаментах, заваривали в чайнике на электроплитке чай, сняв пиджаки, облачались во фраки (в этой же комнате в большом шкафу хранился реквизит школьного театра), располагались около журнального столика с бутербродами и свежей заварки чаем в покойных креслах из того же реквизита, включали магнитофон со свежими записями — ранее сделанных от приемника в аппаратной или взятыми на время у одноклассников-меломанов.

После пары стаканов чая наступало умиротворение: желудки уже не урчали, дисциплинарная настороженность уроков исчезала, в окно через узоры изморози синел зимний полдень, через киношные окошки из зала доносились, вовсе и не смешиваясь с музыкой магнитофона, негромкие голоса: «театралы» репетировали новую пьесу; предыдущий их «Ревизор» имел шумный успех и даже попал во всесоюзную прессу.

♦ Музыкальные вкусы того времени и для возраста Николки и Сашки Белозерова можно определить как конец эпохи Миллера* с его «Серенадой Солнечной долины» и начала царства битлов. Кстати, достаточно хорошо чувствуя музыку, но не имея голоса, Николка с тем большим интересом слушал в свое время историко-музыкальные уроки Ольги Викторовны — главной в школе преподавательницы пения, которая даже не музучилище окончила, а консерваторию в Ленинграде по музыковедению. А в старших классах и вовсе с удовольствием ходил на музыкально-театральный лекторий ученой музыкантши. Вот и беседуя по теме современной американской музыки, она обратила внимание на отдаленное следование тем же Гленом Миллером русской традиции в композиции и оркестровке. Заинтриговав же ребят, с торжеством пояснила, что Миллер и Джордж Гершвин были учениками русского консерваторского профессора, уехавшего в 20-х годах в Америку.

Впрочем, битлов, равно как и Высоцкого, слушали только «для себя» с записанных-перезаписанных магнитофонных лент и рентгеновских «ребрышек». Отдельные фрагменты мелодий «Порги и Бесс» Гершвина наигрывала кружковцам на школьном фортепиано Ольга Викторовна — когда приходила в наилучшее расположение духа, а также одноклассница Люда, которая не только окончила музыкалку, но и сама уже вела группу в Доме офицеров, то есть, профессионально работала, набирая, как она объяснила, трудовой стаж для поступления в консерваторию после окончания школы.

На танцах по субботам народ требовал Ларису Мондрус (тогда еще не уехавшую в Израиль) и гвоздь сезона — американскую «Шестнадцать тонн»; свирепствовал шейк, только-только сменивший чарльстон во втором пришествии...

Иногда расшалившийся к концу танцев Николка, когда дежурная учительница, устав бдить, позевывая, уходила в директорский кабинет, ставил «ребрышки» с «Йес-тудей» Пола Маккартни, и для всеобщей потехи — с официально изданной пластинки занимательную песенку в исполнении Эмиля Горовца, начинавшуюся словами: «Из Европы, путь проделав длинный, к нам в Нью-Йорк приехала кузина». Далее Горовец проникновенным голосом распевал, как к кухне сватались всем Брайтон-

* Глен Миллер — американский композитор, погиб в 1944 г. в аварии самолета, направляясь в действующую в Европе армию США — дирижировать военным оркестром.

Бичем, но итог для нее оказался печальным: «Попался ей жених некстати, все ее приданное истратил. Говорят, жених-то был женатым, говорят, что шестеро детей». На этикетке грампластинки имелся подзаголовок: «Народная еврейская песня».

...А по радио, по телевизору звучали бодрые, волнующие душу неясными устремлениями песни Пахмутовой. Они-то Николке больше всего нравились. Что же касается все расширяющегося психоза битлов, то уже в более зрелом возрасте, вовсе не опираясь на разъяснения агитпропа, но только на собственное восприятие и анализ последствий битломании, Николай Андреянович пришел к выводу: если бы ливерпульской четверки не было, то ее следовало выдумать — придумать тем, кто совершил великую диверсию против человечества, с помощью (хотя бы и невольной) «жучков» свернув массовую и отчасти элитарную музыкальную культуру с магистрального пути мелодичности и гармонии на голый ритм, то есть, повернув ее вспять, к доисторическим тамтамам, негрским пляскам и ночным воплям джунглей.

Когда, выпив рюмку-другую под благодушную закуску, Николай Андреянович излагал свою теорию-приговор друзьям-приятелям или сослуживцам — из числа тех кто поумнее, — то те поначалу усмехаясь, недоумевали или откровенно обижались за кумиров всего мира, но, поразмыслив, в основном соглашались. Если собеседницей оказывалась девушка-женщина, то она широко открывала накрашенные глаза, чему-то пугалась и переводила разговор на служебное или житейское.

♦ Надо сказать, что с началом десятого класса забот у Николки прибавилось и весьма значительно. Как всегда в этот период истории страны, виновен в том был Никита Сергеевич, как ранее виновен был в Карибском кризисе (так злые языки утверждали) и особенно в сокращении Советской армии на миллион двести тысяч военнослужащих. Их города, как чисто военного, то и другое коснулось чувствительно. В Карибский кризис весь Северный флот, включая все вспомогательные посудины, ушел в сторону Острова свободы, поэтому жены и дети моряков, то есть, почти все учителя и ученики школ, целый месяц волновались. Но сокращение армии и флота, хотя последнего в меньшей степени, стало ударом ниже пояса: многие ребята и даже учительницы навсегда покинули Полярный — вслед за уволенными с неполной пенсией отцами и мужьями. Но разве понять и осознать было неразумным школярам, что означало сокращение для тех каптерангов и полковников, на которых уже были в штабах флотов и военных округов заготовлены проект приказов о присвоении адмиральских и генеральских званий? — Ведь генерал в России (в СССР тож) это не звание, а счастье, — так сказал в новейшие времена герой одного фильма из бандитской жизни...

Но вот неутомимый сеятель маиса от Калининграда до Камчатки добрался и до Николки и его однокашников: было объявлено в завуалированной форме, что эксперимент с 11-летним сроком обучения не удался, а система образования возвращается к проверенной временами десятилетке. Самое паскудное, что в следующем, выпускном для Николки и его товарищей учебном году ожидается двойной выпуск: и одиннадцатиклассник Николка, и стоящие рангом намного ниже десятиклассники — все получают аттестат одновременно. А это значит, что конкурсы в институты-университеты, без того немалые в середине 60-х годов, возрастут вдвое. Было о чем задуматься ребятам и их родителям, в первую очередь, конечно, ребятам, ибо в те времена выпускники сами поступали в вузы, а не родители их поступали (так сейчас говорят).

Хотя Николка учился хорошо, почти отлично, а по литературе, немецкому языку и химии, которую очень не любил, и вовсе шел по школьному первому номеру, но, будучи истинным провинциалом из Заполярья, сильно мандражировал, тем более, что тогда лелеял мысль о престижнейшем МФТИ^{*}; очень его интересовали

^{*} Московский физико-технический институт

тайны атомного ядра, а еще более — атомной бомбы, которой Никита Сергеевич обещал империалистам кузькину мать показать...

Выход из ситуации подсказал ему отец. По переезду семьи с маяка в Полярный, Андреян устроился работать старшим электриком — по маячной специальности — в Дом офицеров флота. Вот он и завел как-то разговор: дескать, твоя одноклассница Люда уже второй год по музыке у нас работает, стаж зарабатывает, а кто имеет не менее двух лет трудового стажа, того в любой институт помимо конкурса принимают. А вот и кстати его подчиненный, электрик Генка увольняется, тебе же паспорт в мае получать (разговор этот происходил в конце учебы Николки в девятом классе)... Давай, поговорю с полковником Зинченко, начальником ДОФа, а работать будешь во вторую смену, с четырех часов; придешь из школы, переоденешься, пообедаешь, а уроки на работе сделаешь — там тебе нужно-то будет только сцену освещать на концертах, да лампочку-другую сменить, пройдясь по этажам. Все остальное — за мной. Подумай.

Николка особо и не думал, потому согласился и уже с середины летних каникул между девятым и десятым классом влился в ряды пролетариев. Первая в его жизни работа оказалась настолько занимательной, что... впрочем, эта тема отдельного повествования.

Итак, русский человек неприхотлив и счастлив врожденным умением из всякой долуки и обязаловки делать себе и окружающим приятность; истинно, переиначивая пословицу: что немцу смерть, то русскому удовольствие.

Службу в Доме офицеров Николка начал с трудового подвига: обнаружил при досмотре в коридоре, ведущем в котельную, полузалитый водой потолочный плафон. Притащил лестницу и стал этот плафон снимать, а тут его заметил сам полковник Зинченко, проходивший по своим делам на траверсе котельного коридора. Поинтересовался у нового работника, а тот красочно расписал возможные последствия короткого замыкания, если бы вода достигла уровня патрона лампочки. Полковник Зинченко восхитился; с того момента Николка получил статус «серьезного и вдумчивого работника», а в его трудовой, совсем еще новенькой, книжке появилась и первая запись в разделе поощрений. Поскольку запись диктовал кадровичке в приказ непосредственный начальник Николки — завхоз ДОФа (со слов полковника Зинченко), человек незамысловатый, но очень любивший употреблять официальные слова, да еще вдобавок и в легком подпитии, то Николка, читая врученную ему кадровичкой копию приказа, даже слегка оробел: по своему содержанию и стилю исполнения приказ соответствовал представлению на боевой орден...

Однако через неделю наш герой впал в конфуз. Приехала с «концертом памяти» уже тогда престарелая бывшая кинозвезда Нина Дорда. Николка, стоя на лестнице на сцене, менял сгоревшую трехсотваттную лампу в верхнем софите, а прямо под ним у рояля перебирала с аккомпаниатором ноты сама Дорда. Менять лампу в верхнем софите — дело очень неловкое, поэтому неудивительно, что вывернутая перегоревшая лампа выскользнула из руки и упала прямо на голову экс-кинозвезды. Та отделалась легким испугом, ибо на голове у нее был надет пышный шиньон — по моде тех лет. Дорда, еще раньше отметившая молодость электрика, нестрога погрозила пальчиком, но на всякий случай, пока Николка возился с софитом, отошла подальше.

Принимая Николку на работу, кадровичка провела с ним инструктаж, особо оговаривая, что ДОФ — это военная часть со всеми вытекающими отсюда обязанностями, и дала ему подписать заполненный типографский бланк, называвшийся «Торжественное клятвенное обязательство». На словах же пояснила, что ему придется обслуживать не только оперы и концерты гастролеров, но и большие собрания флотских соединений с присутствием командования флота. Там говорится иногда то, что всей школе и городу знать не положено. «Уши тебе затыкать, конечно, не следует, но

услышанное держи при себе, в чем ты и дал сейчас расписку», — напутствовала его добрая кадровичка на трудовой подвиг в военно-морском учреждении.

И действительно, как в воду глядела добрейшая Варвара Степановна. Не проработал Николка в ДОФе и трех месяцев, как однажды, в начале октября, придя на работу, Николка был удивлен обилием высоких морских чинов, молча прохаживавшихся по бесконечным коридорам учреждения. А на входе стояли два матроса с дежурными повязками на рукавах бушлата. Они было загородили пацану вход, но из окошка караулки высунулась голова Натальи Васильевны, комендантши на правах охранницы и смотрительницы за внутренним порядком:

— Ребята, это наш, пропустите.

Уже в своих владениях под сценой Николку навестил незнакомый каплей, не из ДОФовских, с погонами политработника, поинтересовался именем и фамилией юного электрика и порекомендовал никого из посторонних, друзей и пр. к себе в электробудку, а тем более в оркестровую яму, не впускать. С тем и ушел.

Понятно, что после таких строгостей Николка, включив верхний свет в зале и на сцене, не остался в уютной своей электробудке делать уроки, а все долгое собрание офицерского состава всех эскадр, базировавшихся в Полярном и в окрестных «точках», присидел в оркестровой яме, правда, заперев входную дверь изнутри на ключ.

♦ Экстренное собрание, как сразу сообщил председательствующий адмирал, вызвано «известными изменениями в руководстве страны». Понятно, что Николка еще утром, собираясь в школу, слышал по радио об уходе Никиты Сергеевича со всех своих постов по состоянию здоровья — на пенсию всесоюзного значения. В школе тоже никто не комментировал, да это и не принято было.

Однако адмирала, затем заместителя начальника политуправления Северного флота и еще некоторых выступавших Николка слушал с раскрытым ртом. Говорили о сложной внешнеполитической ситуации, с которой генсек не справлялся, о его волюнтаризме (чуть позднее в школьные учебники истории и обществоведения к волюнтаризму добавили таинственный пробабиллизм), крупно мстили свергнутому за главную боль армии — знаменитое и достопамятное сокращение миллиона двести тысяч человек. Осторожно хвалили вновь избранного генсека — Леонида Ильича Брежнева, боевого офицера, хорошо себя проявившего на высоких хозяйственных и партийных постах. Каждый из выступавших в заключении рекомендовал командирам и политработникам провести основательные собеседования с младшим офицерским составом, старшинами, мичманами и матросами.

Собрание закончилось. Николка выключил свет в зале и на сцене, оставив только боковые дежурные плафоны. Его заботы о сложном электрохозяйстве Дома офицеров на сегодня закончились; семичасовой вечерний фильм в зале обслуживал киномеханик — в его рубке имелась параллельная сеть включения-выключения света в зале. Расположившись в своей уютной электробудке, Николка скушал домашний пирожок, внимательно выслушал в последних известиях сообщения о событии номер один за последние дни (Хрущева он относил ко второму номеру): успешно продолжающемся околоземном полете космического корабля «Восход» сразу с тремя космонавтами на борту.

Посвященный на собрании, Николка уже и не слушал скудного, с утра повторяющегося сообщения диктора о внеочередном пленуме ЦК КПСС и появлении в стране нового персонального пенсионера. Он усмехнулся: знаем, мол, какой-то такой пенсионер! Собрался было взяться за уроки, но тут из экономно-темного коридора, что сложными ходами выводил из-под сцены в малый холл ДОФа, осторожно выступили и заглянули в приоткрытую дверь электробудки два капитана второго ранга. Предупредительно кашлянув, один из них поинтересовался, сославшись на знакомст-

во с Андреем Матвеевичем, не очень ли они помешают, если разопьют бутылочку в электробудке? Николка радушно показал на стол с графином с водой и стаканами, сам пересев с учебником на диванчик.

Офицер опасливо покосился на дверь, но Николка заверил, что никого не ждет, а начальство Дома офицеров уже дома ужинает.

Судя по тому, что кавторанги нарушали строжайший в зоне дислокации флота сухой закон с использованием «зубровки», Николка мигом сообразил, что спиртным подторговывает кладовщица буфета Зина; именно ящик с такой вот «зубровкой» он заприметил давеча в кладовой — Зина попросила заменить перегоревшую лампочку.

Расслабившись, офицеры с разрешения хозяина закурили, начали обмениваться впечатлениями на злобу дня. Отметили, что «Никиту пас в Пицунде сам двадцать седьмой бакинский комиссар Микоян», говорили о все возрастающей роли Михаила Андреевича Суслова, странном поведении во всем этом деле минобороны Малиновского. А Семичастный?..

Николка — с его ясной юной памятью — припомнил читанное в газетах: в ноябре готовился пленум ЦК, где должна была обсуждаться новая конституция СССР. Какая-то мысль на этот счет вертелась в его голове, но воспитание не позволяло вступить в беседу со взрослыми.

... К концу бутылки капитаны сошлись на том, что предательство безнаказанно не проходит: Хрущев предал дело Сталина и его соратников, а за это и его самого предали. С этим офицеры встали, поблагодарили Николку и ушли в темноту коридора. В зале началось кино, которое Николка уже смотрел, потому взялся за физику с алгеброй.

♦ Убей, Бог, но Николай Андреевич, как ни силился, но за давностью лет никак не мог вспомнить: было это еще в десятом классе или уже в одиннадцатом, когда по вечерам, включая рабочую в то время субботу, он уже не мог обслуживать школьные танцы, перепоручая это дело Сашке Белозерову? Но не в этом суть, ибо дело проходило днем, когда он был полным и ответственным хозяином школьного радиоузла.

В тот день, кстати говоря, раннеосенний... нет, значит это все же был десятый класс. Итак, в этот день Николка собирался после уроков сразу идти домой, поскольку Сашка Белозеров составить ему компанию в послеурочной сиесте в радиоузле не мог, ибо вообще второй день не появлялся в школе по причине температурной простуды. Опять же никаких мероприятий в этот день, связанных с озвучиванием, не предвиделось. Однако в свою «квартиру» все же зашел — забрать домой пару магнитофонных катушек — в этот месяц отремонтированная «Комета» находилась у него.

— Вот хорошо, что застала тебя,— Николка вздрогнул от голоса бесшумно вошедшей Ирины Сергеевны,— а я боялась, уйдешь домой! Слушай, Коля, директору позвонили: через полчаса у нас будет Пахмутова с Добронравовым. Они сегодня на подводной лодке с нашей базы в море выходили, ну-у, не в море, а так, по заливу прошлись, а сейчас им рояль нужен. Как назло, в ДОФ настройщика из Мурманска привезли, ремонт тамошнему инструменту задает, вот к нам и обратились. Ты жди, свет им включишь, может магнитофон понадобится... я не знаю, но Мария Ивановна просила — тебе остаться.

Оставшись один, Николка заволновался и по двум причинам сразу: во-первых, боялся, что именитые гости, как люди творческие и увлекающиеся, облюбуют рояль надолго, а он может опоздать на работу в ДОФ (вот теперь Николай Андреевич точно вспомнил: дело было в десятом классе), во-вторых, все дело в той же именитости; Николка заранее оробел. Конечно, пусть за небольшое, но время работ кой-кого из известных артистов и прочих людей творческих профессий он повидал, по привычке: та же Дорда, которой он лампочку на голову уронил; популярный в школьной среде поэт Андрей Вознесенский, приезжавший на литературные гастроли, заходил к нему

в электробудку в неизменном своем шарфике на шее (он уже ранее в ней бывал — в прошлый приезд), спрашивал Андреяна, а потом попросил разрешения воспользоваться стаканом: налил в него из плоской бутылочки коньяка, выпил, пояснил: приходится, дескать, в медицинских целях, чтоб сгладить остатки заикания... Многие в электробудку к Николке за время его работы заходили: ближайшее к сцене помещение, а потом для людей театральных электрик — самый доверенный человек. Это у них в обиходе.

...Однако в ДОФе Николка был членом коллектива, на службе, приезжие знаменитости и не совсем — тоже. А здесь он как бы будет представлять лицо школы, один на один с ними остается. Было Николке от чего разволноваться.

И третий момент его волновал: если придется к гостям обращаться — как их отчества? Действительно, по радио и телевидению их по принятому в отношении творческих людей называли только по именам: Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Покопавшись в памяти, но неуверенно он вспомнил, что Пахмутова — Александра Николаевна, а вот Добронравов так для него и остался без отчества.

Минут через двадцать через киноокошки из актового зала донеслись голоса, Николка прильнул к окошку: на входе в зал стояла хорошо знакомая по телеэкрану очень маленького роста женщина — Пахмутова, полноватый мужчина явно был Добронравовым. Они разговаривали с Марией Ивановой, а старшая пионервожатая показывала рукой на противоположный конец зала, где на сцене, полуприкрытый занавесом, стоял рояль. Продолжая беседовать, вся группа двинулась к сцене. Ирина Сергеевна отодвинула занавес, включила свет на сцене, хотя в зале было светлым светло. Пододвинув стулья к роялю, гости уселись. Николка рассмотрел, что Добронравов вынул из-за пазухи пиджака узкий и длинный блокнот. Директорша и Ирина пошли на выход. Через минуту-другую пионервожатая зашла к Николке:

— Магнитофон им не нужен, зал я потом сама закрою. Так что можешь быть свободен, а хочешь — послушай, ведь они сейчас будут музыку новой песни подбирать — по впечатлениям от плавания на подлодке. Добронравов сказал, что стихи к песне он начерно еще на лодке записал. Так что будешь первым слушателем! Я бы и сама здесь осталась, да Мария Ивановна, как назло, малый педсовет в два часа собирает. Ну, я пошла. Счастливо оставаться.

♦ Николка поуспокоился, сердце чувствительное послушалось и тоже забилося пореже. Он присел на высокий стул-треногу киномеханика; с него можно смотреть через окошко не задирая голову и не вытягивая шею. Занятия второй смены начались, потому в школе стояла тишина, а акустика актового зала позволяла Николке хорошо слышать не только звуки рояля, но и звонкий голос Пахмутовой, даже отдельные тихие слова Добронравова различал.

Закончив разбираться с записями в блокноте, причем Добронравов активно чиркал в нем, оба развернули стулья к роялю — Пахмутова по центру, Добронравов сбоку. Прозвучала долгая первая нота. Затихло. Затем прозвучала вторая — тоном пониже, потом еще одна — повыше первой. «Как артиллеристы цель нащупывают,— подумал Николка,— недолет, перелет и цель!»

После паузы и обмена короткими репликами прозвучала в выбранной тональности уже фраза, хотя и короткая. Полуречитативом Александра Николаевна протянула: «На пирсе ти-и-хо...» Эту музыкальную фразу, сопровождаемую текстом, она повторила раз пять. Затем фраза и текст удлиннились: «На пирсе ти-ихо в час ночной...» И опять несколько повторов, с каждым из которых музыка принимала все более и более законченный вид. Как музыкально непросвещенный школьник понимал, что она приобретает именно законченную форму? — Этого он объяснить не мог, но понимал. Далеко не все в музыке можно пояснить словами и понятиями. Когда уже

шибко взрослый Николай Андреянович прочитал основной труд Шопенгауэра, то раздел «Мира как воли и представления» о сущности музыки потряс его и привел в полный восторг. И читая староизданный том, он сразу вспомнил то первое, юношеское сопричастие к творчеству в музыке. Но — это все сначала в светлом советском, а потом и вовсе в темном демократическом будущем...

Меж тем песня приобретала законченную форму. Как тотчас сообразил Николка, эмоционально-смысловым центром произведения являлась строка: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой». Николка прикрыл глаза, представил спокойную гладь прибрежного моря, отсвечивающее неяркие лучи летнего, незаходящего солнца, огромным багровым шаром зависшим над горизонтом, где это тихое море сливается с небом. Тишина, покой и нежаркое солнце. Николка с веранды маячного дома смотрит прямо на солнце, а справа и слева от багрового шара — крутые скалистые берега, выпускающие Кольский залив в море.

Но вот Николка уловил далекий, колотящий звук, а напрягши зрение, увидел, как на входе в залив появилась серая точка — всплыла подводная лодка, возвращающаяся из дальнего похода, а колотящий звук — это включенные на всплытии дизеля. Время ускорило и вот уже подлодка, бокастая, атомная, напичканная крылатыми ракетами, проплывает мимо острова с опершимся на перила веранды Николкой: усталая, прошедшая два-три месяца под водой океана, а на мостике рубки сменяют друг друга моряки: поглядеть на забытый свет, в лихорадочной торопливости выкурить забытую уже сигарету — и уступить место такому же страждущему товарищу, «годку» по-флотски...

А дальше Николка, не открывая глаз, перенесся в бухту Ягельную, прямо на пирс 4-ой точки — военного городка подводников. Та же светлая летняя ночь. Тихо стуча на самых малых оборотах дизеля, усталая подлодка приближается к пирсу... «на пирсе тихо в час ночной».

Николка открыл глаза и посмотрел в окошко: судя по всему, Александра Николаевна записывала ноты. Закончив с нотами, вновь повернулась к роялю и проиграла-пропела уже всю песню: «На пирсе тихо в час ночной...»

Посмотрев на часы, Николка спохватился: времени дойти до дома, наскоро поесть и обратным ходом в ДОФ,— оставалось в обрез. Песню, первым слушателем которой он был, исполнили по радио через пару недель. Пел известный певец.

♦ Николай Андреянович переписал начисто откорректированную формулу изобретения. Остальное, то есть, составление описания, было делом механическим, на работе доделает, когда устанет чертить. Супруга, также доделавшая кухонные дела, то есть, испекшая пирожков с капустой и картошкой, в чем была большой искусницей, щелкала пультом, переключая канал телевизора: всюду скакали с воплями какие-то немыслимые уродливые рожи, здоровенные негритосы в голливудских боевиках взводами и ротами расстреливали белокожих полицейских и прочих законопослушных граждан; на одном канале вкрадчивый политдеятель с физиономией потомственного дегенерата убеждал в экономической мудрости партии (демократической) и правительства. Еще на одном экране усталый и разочарованный в жизни коммунистический лидер лениво отбивался от телеведущего с веселым именем Славик Шустер, а на соседней «кнопке» пузатый и молодой генерал — рост метр пятьдесят, а с фуражкой и под все два — аргументировано доказывал, что именно он предназначен Богом и судьбой быть президентом крохотной сибирской республики, бывшего национального автономного района...

Генералом Николай Андреянович почему-то слегка заинтересовался, но того сменил осанистый поп в праздничной малиновой рясе, сообщивший, что-де России очень повезло с нынешним ее руководством: люди там собрались *неистово* верующие.

Николай Андреянович отдал пульт жене, мимоходом подумав: много каналов теперь на телевидении, да все какие-то кособокие, с воровским уклоном. Ушел на кухню и с возобновившимся аппетитом скушал полную тарелку пышущих жаром духовки пирожков, предпочитая которые с капустой. Затем вернулся в комнату и прилег на диван, отвернувшись от телевизора: на экране страшная образина в очках и видом напоминавшая типичную школьную заучиху, вела популярную в этом сезоне игру «Как украсть миллион». Супруга с интересом смотрела; женщины, даже самые благовоспитанные, очень любят дармовые деньги.

Полуприкрыв глаза, Николай Андреянович вернулся к теме, навеянной далеким воспоминанием.

Справедливым будет отметить, что, в соответствии со всеми законами физиологии, открытыми на заре Советской власти И. П. Павловым, с возрастом в части восприятия музыки с Николаем Андреяновичем ничего не изменилось, то есть, слушал он ее с удовольствием и правильно понимал: где музыка, а где малоосмысленный набор звуков. Со временем хорошо изучил классику, а так называемая «легкая музыка», то есть эстрада и все эти, постоянно нарастающие ВИА-группы, малопопулярные в стране — до демократов — западные «звезды» — это и само в уши лезло. А про последние десять лет ушедшего века и говорить нечего: телевизор выбросить в окно? — Жена не позволит, ибо женщины, пенсионеры и дети уже наглотались этого опиума, не оттянешь за уши, не перевоспитаешь.

Еще отметил Николай Андреянович, что на ТВ музыкальное неистовство почему-то нарастало к концу каждого года, особенно сейчас — в декабре: от хануки до байрама, далее до рождества католического, а там уже и Рождество Христово Православное...

Видно, супруга, еще в полной мере не отошедшая от горячечной суеты с печением пирожков, нажала на пульте не ту кнопку, потому телевизор взревел звуком и монотонным полуречитативом: «...В желтой подводной лодке мы живем, в лодке мы живем». Упоминание про подлодку Николаю Андреяновичу даже и понравилось бы, но желтый цвет он не любил, потому раздраженно порекомендовал супруге убавить звук. «А я думала — ты уже заснул», — наивно удивилась она, но звук убрала. Заодно и канал переключила.

Николай Андреянович полагал себя консерватором в самом здравом смысле слова. Отсюда и его твердые, никем не навязанные, самолично выработанные на жизненном пути принципы, в том числе и в восприятии различных искусств, музыки и живописи в первую очередь. Проще всего дело обстоит с живописью; здесь Николай Андреянович рассуждал с римской прямолинейностью: если художник умеет рисовать, то он и изображает на своих полотнах людей, как они есть в жизни, точно также животных, деревья, корабли... А если он малюет черные квадраты, кучи угадываемого с трудом дерьма, уродов непонятных, да все это нечетко, грубыми мазками, вместо кисти пользуется дворницкой метлой, а то и просто растопыренной пятерней — это вовсе не художник, а прохиндей, расчетливый делец от так называемого модернизма, кубизма и прочего футуризма. С музыкой же было сложнее, потому Николай Андреянович сосредоточился и постарался сделать для себя некие выводы. Он многожды пробовал собрать в этом вопросе воедино свои размышления, но сегодня вроде как расставил все точки над «и».

♦ Почему в настоящее время сосуществуют музыка и та воинствующая дребедень, которую вернее всего называть антимузыкой? Более того, антимузыка в так называемом «цивилизованном мире» господствует полностью. Но разве это удивительно с позиций эволюционных? Возьмем самое разумное на Земле — человека. Разве до настоящего времени дошел человек, прошедший последовательно и строго все ступени эволюции *homo sapiens* ?

Николай Андреевич хорошо учился в школе, а биология — особенно в части происхождения человека — входила в число любимых предметов. Именно поэтому, спустя десятилетия, он живо помнил картинки из школьного учебника, изображавшие дедушку человека — неандертальца и непосредственного отца его — кроманьонца. Помните, наверное, и вы: неандерталец — этакий увалень, что в народе зовут сибирским валенком, со здоровенной башкой, низким, заросшим лобешником, с плоским затылком. А вот кроманьонец — почти уже человек, можно даже уточнить: восточный человек, юркий, подвижный, со смышленными, верткими глазками, высоким, хотя и несколько покатым лбом, затылок — тыковкой. Словом — наш человек, только бедный очень, нет денег в цирюльню забежать да в магазин готового платья...

И действительно, приглядитесь со вниманием к окружающим вас и просто случайно встречным людям, всматривайтесь в мелькающие на экране телевизора лица заморские — вы придете к парадоксальному выводу: независимо от национальности, расы, степени пресловутой «цивилизованности», географического места проживания, словом — независимо ни от чего, все типажи делятся на две основные группы; в одной из них четко прослеживаются потомки неандертальцев, в другом — несомненно кроманьонцев. Понятно, согласно законам генетики, как их не переkreщивай, все одно нечто усредненное не получится.

Николай Андреевич вдохновенно детализировал свою теорию. Попробуйте проанализировать профессиональную принадлежность потомков неандертальцев и кроманьонцев? Получится весьма любопытная картина. К первым относятся (опять же независимо от национальности) по-преимуществу уголовники-рецидивисты, профорги и парторги крупных предприятий*, генералы и маршалы, ротные старшины, милиционеры-гаишники, завскладами и кладовщиками, шоферы-дальнобойщики, женщины-прокуроры, буфетчицы, продавщицы продовольственных магазинов, изобретатели вечных двигателей и пр. — то есть, люди, обладающие гигантской волей, которая у них верховодит над разумом (который, конечно, у них также имеется) и эмоциями.

Ко вторым же по-преимуществу относятся люди искусства, гуманитарии, ученые, рабочие со средним образованием, воры-карманники, инженеры, истеричные дамы, шулеры высокого полета, университетские преподаватели. Их отличительной чертой является как раз наоборот: преобладание разума и эмоций над волей, несколько ослабленной.

Раз заинтересовавшийся им же сделанным открытием, Николай Андреевич не поленился сходить в областную библиотеку, порылся в каталоге и взял для домашнего прочтения книгу по исторической антропологии. С восторгом вычитал он, что эпохи неандертальцев и кроманьонцев пересекались. Они сосуществовали в исторических и географических ареалах, но что взяло современное человечество от тех и от других — об этом ученые авторы книги ничего сказать не могли, мысленно разводили руками. Однако, Николай Андреевич на этот вопрос ответ уже знал.

Попутно он существенно дополнил и френологическую теорию Чезаре Ломброзо. Об этой теории, не вдаваясь в обсуждение ее сути, неодобрительно отзывались в отечественных учебниках физиологии и солидных монографиях, дескать, если у человека низкий лоб и плоский затылок, то не совсем обязательно это преступный тип... может быть даже и наоборот.

Николай Андреевич созвонился с давней своей знакомой — доцентом философии местного пединститута, у которой имелась роскошная наследственная библиотека, и уже на следующий день бережно переворачивал пожелтевшие страницы дореволюционного издания тома. Все правильно написал знаменитый психиатр и психопат

*Свою теорию Николай Андреевич развивал еще в советское время, отсюда и название исчезнувших в новейшее время профессий и увлечений.

толог, но не объяснил эволюционную причину наследственного разделения людей по их наклонностям, совпадающим со строением черепа. Николай Андреевич придал теории Ломброзо логическую завершенность.

...Итак, по планете рассеяны потомки неандертальцев и кроманьонцев. И смотря по тому, в ком преобладает генотип того или другого, формируется и индивидуальный характер с преобладанием воли или эмоциональной чувствительности, склонности и рефлексии, учености в том числе.

А какое отношение к музыке имеют эти биологические теории? — А прямое, самоутверждался наш герой.

Вся история развития музыкального искусства от примитивных свистелок до высшего развития симфонизма есть совершенствование гармонического строя. Музыка Вагнера и венской школы, русская классическая опера XIX века, а под несомненным влиянием последней и феномен Грига — это вершина гармонической музыки. В России, то есть уже в СССР, в лице живого классика Свиридова гармоническая традиция в высшем ее развитии продолжилась почти до самого конца XX века.

Но с конца века девятнадцатого замечается развитие внутри гармонического симфонизма, постепенное усиление ритмики. В следующем веке ритмика уже торжествует, например, у Шостаковича, да и у Прокофьева тоже. Как положено, появился и теоретик ритмизма в музыке — Арнольд Шенберг.

♦ Этот самый Шенберг подарил наступившему веку XX и всему человечеству додекафонию, то есть двенадцатитоновую музыкальную систему, полностью отвергавшую гармонию. С того времени вся западная классика молится на Шенберга.

В легкой музыке в XX веке гармония и ритмика в приятном для слуха сочетании держалась достаточно долго. Передовым бойцом здесь оказался джаз. В умной Советской стране были и дураки; к последним первоочередно следует отнести агитпроп и минкульт. Обладай они хоть средним умом, то не плевали б на джаз, а заполнили джаз-бандами все эстрады от Бреста до Камчатки — по горизонтали, от Земли Франца-Иосифа до Кушки — по вертикали (если размышлять, глядя на карту 1/6 суши Земли).

Против искусного саксофона, аранжированного вспомогательными инструментами и мужественным, хорошо поставленным голосом, не устояли бы безголосые певцы и певички, отвратительно тренькающие электрогитары и вершина музыкального суррогата — синтезатор. Все-таки Россию губят даже не дороги (национальный транспорт России — СССР — танк* грязи не боится!), но исключительно дураки. Про новейшие времена и говорить не приходится: покрой всю страну от Земли Франца-Иосифа... (см. выше) немецкими автобанами или штатовскими федеральными магистралями — уже ничего не изменишь.

С джазом или без джаза, но в СССР до его разрушения силами Мирового Зла гармония еще как-то сдерживала натиск ритма, но в остальном (западном) мире, как уже сформулировал ранее Николай Андреевич, смертельный удар по гармонии в популярной музыке нанесли жучковатые битлы. И понеслось!

Далее наш музыковед-любитель сделал основополагающий вывод: гармонию, адекватную самой эволюции человека разумного, к концу века и тысячелетия оттеснил голый ритм, присущий человеку на самых ранних ступенях его развития, а в наше время сохранившийся только у диких африканских племен. А вторгся он в современный мир через негритянскую музыку в США: отсюда и Шенберг, отсюда и битлы (джаз не в счет).

* Очень умный анекдот на эту тему: Собрались в кучку американец, француз, немец и русский (т.е. советский). Разговаривают о транспорте: кто и на какой машине ездит на службу, к любовнице и за границу. Доходит очередь до русского: на работу, дескать, на трамвае удобно ездить; к любовнице пешком хожу — рядом живет, а за границу я выезжаю, как все нормальные сограждане, на танке!

Другой вопрос: естественный это процесс или кому-то очень нужно? Николай Андреянович склонялся ко второму, связывал это с одним из стратегических направлений деятельности сил Мирового Зла, кардинальная цель которого: превращение основной массы человечества в скотов с минимальными духовными потребностями, апологетов набитого желудка и кармана, которых интересует только эта самая жратва, койка, доступные бабы и — все. Таким скотом крайне легко управлять, двигая в нужных направлениях. Мелкобуржуазная биомасса и только.

И подобно тому, как человечество и ныне представлено потомками неандертальцев и кроманьонцев, так и в современной музыке сосуществуют воинствующий ритм дикарей и облагороженная веками и тысячелетиями гармония.

...Николай Андреянович таки вздремнул от умственного усилия, но его легонько тронула за плечо супруга:

— Рано еще, не засыпай, а то всю ночь ворочаться будешь. Съешь-ка еще пирожков.

Николай Андреянович повернулся лицом к комнате, с интересом посмотрел на тарелку с горкой пирожков, на свежесваренный чай в личном стакане с подстаканником. Все это супруга поставила рядом с диваном на низенький столик. Занялся делом. Поневоле смотрел и на экран телевизора. Все каналы крутили музыку. Сначала юная татарка из Бугульмы, дочь нефтяного короля тех мест, спела искусственно прерывистым слабеньким голоском невесть о чем. А вслед за ней вскочил таким чертом некто лохматый, раздрыганный, в цыганской рубахе без опояски и звенящим голосом запел нечто двусмысленное, явно относящееся к половым извращениям: «...Каждый хочет любить: югославский солдат и английский матрос, каждый хочет иметь и невесту, и друга».

Николай Андреянович легонько матюгнулся и потребовал переключить на другой канал, а там Боярский в своей знаменитой шляпе мелодично гнусил о зеленоглазом такси... На смену ему вышел голливудский мальчик Басков и спел про шарманку. Николай Андреянович поуспокоился, докушал пирожки и принялся за чай, с удовольствием обнаружив с стакане и лимонный кружок.

Этой ночью ему приснился хороший сон из детства — юности на Севере. По тихой глади залива неторопливо шли крейсера и эсминцы, которым почтительно уступали форватер сухогрузы и рыбацкие сейнеры. Из упрятанных в расщелинах береговых скал губ-фиордов с дизельным стукотком выходили крутобокие подводные лодки. Во всех направлениях между островами сновали быстрые катера. Жизнь была ключом светлой полярной ночью. «На пирсе тихо в час ночной...»

Александр Томазов *
(г. Тула)

ЗАПАХ ЗЕМЛЯНИКИ

Жизненные обстоятельства изменились, и мне срочно понадобилось что-то, что хоть как бы перевернуло мою жизнь и буквально встряхнуло мою замершую душу. Серость и пустота каждого дня съедали радость жизни, и с этим безотлагательно надо было что-то делать. Время шло, а я никак не мог решить, что предпринять. И, о великий случай, именно в это время мой хороший друг и единомышленник предложил испытать с ним радость полета, познать голубизну неба изнутри и почувствовать, каков запах ветра там, наверху... Он предложил мне прыгнуть с парашютом! Но, даже несмотря на отчаянность моего положения, восторга это предложение поначалу не вызвало. Да, спору нет, совершить сие действие очень заманчиво, и абстрактно, где то в глубине души, я, безусловно, хотел этого; но поняв, что это событие начинает вставать передо мной со всей неотвратимостью, представив, как ветер шумит там, на высоте километра и, самое главное, осознав, что именно я и никто другой должен будет сделать последний шаг в пропасть... я отказался.

Особого стыда перед собой за отказ я не испытывал. Все-таки парашютный спорт, парашюты и парашютисты — это где-то там далеко-далеко; да, есть такие безрассудные люди, отчаянная храбрость которых позволяет им творить даже такие вещи, но при чем же тут я, простой человек, за всю свою сознательную жизнь не поднимавшийся выше девяноста метров, да и то по причине работы в соответствующей организации. Поэтому я с легким сердцем отказался составить своему другу компанию, и вновь погрузился в свои невеселые размышления. Стоял зенит лета, синее небо и яркое солнце подчеркивали прелесть жизни, даря людям незабываемые моменты счастья; и странный парадокс: чем голубее был небосклон, тем тяжелее становилось мне на сердце; чем сильнее заливала наша звезда своим светом землю, тем мрачнее становилось у меня на душе. В таком невеселом настроении я встретил следующий день, такой же восхитительный и праздничный... и этот день стал той соломинкой, что переломила спину верблюда. Это произошло за несколько минут: апатия ко всему сменилась решительностью, неуверенность — предвкушением, а страх — нетерпением! Теперь меня аж трясло от ожидания того момента, когда я, облаченный во всю парашютную экипировку, сделаю свой шаг за борт самолета. По моему замыслу, этот шаг станет поворотным событием в моей жизни, перевернет все с ног на голову. И, самое главное, вернет мне радость самого существования на этой земле! Если быть до конца откровенным, то я искренне желал, чтобы парашют в назначенный срок не раскрылся; пусть бы что-то помешало ему, и я спустился бы на запасном; либо, хотя бы, он раскрылся на несколько мгновений позже срока... в общем пусть бы он делал что хотел, лишь бы я осознал всю ценность жизни, понял, насколько я счастлив, живя на этой земле полноценным человеком.

* Наш постоянный автор.

От всех этих мыслей я буквально заживо родился! Апатия ко всему немного отошла на второй план. Не исчезла полностью, нет, но чуть-чуть уменьшилась. И этого «чуть-чуть» мне уже хватало, чтобы дышать свободно, не возвращаясь каждый раз мысленно к тем событиям, которые похоронили меня заживо. На следующий же день по телефону связался я со своим другом, который подкинул мне столь замечательную идею, но ирония судьбы! — обстоятельства его складывались так, что отправиться со мной на аэродром он не мог. Ни завтра, ни послезавтра. Тогда уже я начал предлагать своим хорошим знакомым составить мне компанию. Желающих, помимо меня, набралось еще трое, и к решающей субботе мы должны были уже все обговорить и уладить. Аэродром находился в области моего города, километрах в семидесяти. В назначенный день мы должны были сесть в автомобиль и организованно прибыть к пункту назначения, но, как обычно, кому-то что-то помешало, кого-то покинуло желание, и в итоге на летное поле я шагнул в гордом одиночестве. Не скажу, что это меня огорчало, скорее наоборот. Я один, и бороться с собой буду тоже один. Нет друзей, которые подначивают тебя, не перед кем рисоваться, делая вид, что тебе не страшно... Честная борьба со своим «Я», один на один!

На место я прибыл рано. Пришлось еще час сидеть, ожидая приезда хозяев аэродрома, наблюдая, как завсегдатаи складывают парашюты, самолеты прогревают моторы и, одна за другой, подъезжают машины с такими же желающими покончить с серостью ежедневных буден. Одна компания приехала на двух машинах; веселые парни и симпатичные девушки внесли некоторое разнообразие в унылый серо-зеленый пейзаж. Тишина, которая наступала после того, как какой-нибудь самолет прогреется, то и дело взрывалась смехом и визгом, тех, кто через какие-нибудь два с половиной часа будут ломать себя там, на высоте девятьсот метров. До этого я как-то и не думал, что девушки тоже могут иметь желание прыгать. За ними было интересно наблюдать: развлекаемые ребятами, они веселились и смеялись, но их лица то и дело становились серьезными. Видимо мысль о прыжке не отпускала их. Я тоже сидел за рулем автомобиля, размышляя о том, что через такое короткое время жизнь для меня будет выглядеть несколько иначе, чем сейчас. Думая об этом я не мог скрывать волнение. С тоской подумал о том, что уже пятый год не курю... Сигарета была бы сейчас очень кстати.

Переведя взгляд влево, я заметил, что у стоящей рядом машины парень, чуть старше меня, пытается собрать большую модель самолета со спиртовым моторчиком. Облокотив фюзеляж модели на бампер, он пытался пристегнуть к нему крылья, но это никак не удавалось сделать: корпус самолета то и дело падал. После седьмой его попытки я вышел из автомобиля и предложил свою помощь. Во-первых, мне было скучно, и время тянулось очень долго, надо было его как-то занять, а во-вторых, мне стало жаль парня. Вдвоем мы за три минуты собрали летающее средство и завели его. А запуск пришлось отложить, потому как на летном поле сейчас хозяйничали настоящие самолеты. Валера, так звали моего нового знакомого, приехал сюда запустить свою модель и полетать на планере, но, подумав, решил также прыгнуть с парашютом, так сказать, заодно. Вдвоем нам было уже веселее. Вскоре желающих покорить небо построили, все поименно записались в тетрадь и бодрым шагом пошли в учебный класс. Скорость подготовки к первому прыжку меня поразила: уже через час мы пошли в медпункт на освидетельствование. За это время нас познакомили с конструкцией того устройства, с которым предстояло шагнуть в бездну после слова «пошел», которое крикнет инструктор; объяснили, за что дергать и как подчинить парашют своей воле. Посоветовали также, непосредственно после приземления, не медлить, как можно скорее собрать парашют и покинуть летное поле, потому как одновременно с нами будут летать планеристы, а им лишние помехи на пути ни к чему. Особенное внимание было уделено непосредственно приземлению, расчеховке

запасного парашюта и моменту раскрытия основного. Откровенно говоря, автомат сам раскроет купол после истечения пяти секунд, но как же так — прыгнуть и не дернуть самому за кольцо? Об этом не могло быть и речи. Никаких пяти секунд. Три — и рывок кольца, затем динамический удар и белый купол над головой. Затем отогнуть краешек кармашка на запасном парашюте, вытянуть шнур из петли и все! Наслаждайся полетом. И только перед самым приземлением, когда начнешь различать траву — сгруппироваться, так, чтобы увидеть свои носки из-за рюкзака с запасным парашютом и почувствовать удар о землю. Свалиться на бок, а затем погасить купол. Оглядеться, собрать все принадлежности в специальную сумку, которая пристегнута к рюкзаку и шагать к месту сбора.

Все вроде бы просто, но один момент тревожил меня. Даже два. Первый заключался в том, что я опасался рвануть за кольцо раньше времени. В полете ты должен отсчитать три секунды, но только полноценных. Существовали реальные опасения в момент прыжка прокрутить в голове цифры один, два, три, и дернуть кольцо. И сделать это можно быстрее одной секунды. А это слишком быстро. И второе — я боялся забыть, что после раскрытия основного парашюта, нужно принять меры к тому, чтобы не спускаться на двух куполах сразу. Для этого необходимо было отключить запасной парашют от таймера сразу после раскрытия основного. Все эти мысли пронеслись у меня в голове, когда мы, обследованные врачом, с измеренным кровяным давлением, стояли выстроенные в одну линию, а на нас надевали ранцы, застегивали карабины, проверяли и перепроверяли ремни. Затем началось распределение по весу. По итогам выяснилось, что судьбою мне предназначено выходить из самолета вторым, чему я немало обрадовался, так как опасался, что буду первым; в этом случае я не мог увидеть, как выглядит человек в момент отделения от борта. А мне очень хотелось увидеть это, увидеть, как влекомое потоком воздуха тело сносится влево и вниз, как меняется выражение лица у парашютиста... Все это мне удалось наблюдать. И этим человеком оказался Валера. Именно он должен был открыть череду наших прыжков.

Прыгали двумя группами в двух взлетах. Проверив нас по последнему разу, инструкторы, тоже с парашютными ранцами за плечами, повели нашу группу к самолету. Машина с синей полосой по борту стояла, гордо развернув крылья, ожидая, когда люди заполнят ее нутро. Распределив всех по местам, выпускающий занял место около люка и подал знак пилоту. Тот завел двигатель и шум заполнил все вокруг. Трава пригибалась от потока ветра, пару раз самолет дергался вперед, словно от нетерпения. И только в этот момент я почувствовал некую тревогу, начиная понимать, что уже очень-очень скоро мне придется делать шаг вперед. Такой маленький, и такой большой! Страх, которого вообще не было до этого момента, начал потихоньку подкрадываться ко мне. Я оглянулся, и осмотрел сидящих. Их лица поражали своей серьезностью. Как позже выяснилось, у меня лицо тоже было каменным. Я взглянул на Валеру, который сидел справа от меня и был ближе всех к люку. Его глаза были пусты и устремлены в куда-то в сторону... Несомненно, он волновался. И в этот момент мы начали взлет. Самолет покатился вперед, набирая скорость. А момента отрыва от земли я не почувствовал. Через пару секунд мы уже были над верхушками деревьев; наша стальная птица рвалась ввысь, оставляя внизу все печали и хлопоты. И страх начал проходить так же стремительно, как и появился. Я глядел в иллюминатор и улыбался: улыбался себе, улыбался выпускающему и приоткрытому им люку, улыбался голубому небу. Одной рукой держась за поручень, другой я изредка поправлял сползающий шлем.

Накатила тошнота, спазмы стали схватывать желудок.— Хорошо, что я с утра ничего не ел,— подумалось мне, и в этот момент прозвучал резкий звук сирены, одновременно с ним вспыхнула лампочка слева от выпускающего. Парень начал от-

крывать люк, требовалось выкинуть два пристрелочных парашюта, точнее — парашютика. Их связали вместе, и бросили вниз. Своим полетом они должны были показать направление ветра. Прошло еще немного времени, и выпускающий жестом поднял Валеру. Тот встал на пороге люка: левая нога на самом краю, правая чуть сзади, руки скрещены на груди и правая кисть обхватывает кольцо. Медленно начали тянуться секунды, врывавшийся ветер трепал одежду. Вот Валера перевел на миг взгляд на меня; я ободряюще полуулыбнулся ему, но никакой реакции в ответ не получил. И в этот момент мы услышали: «Пошел!» Валера оглянулся на выпускающего, тот повторил и убрал руку с плеча парашютиста. Бросок вперед — и человек уносится вниз со страшной скоростью. Стал виден раскрывающийся стабилизирующий парашют. В следующее мгновение Валера исчез из моего поля зрения. Люк закрыли, и самолет пошел на новый заход. Пришло ясное осознание того, что я следующий. Самолет сделал круг, и я посмотрел на лампочку. Скоро она загорится, возвещая о том, что время пришло.

Тошнота усилилась, но я не обращал уже на нее никакого внимания. Я глядел на лампочку. И вот она зажглась, дублируя сей факт резким гудком. Выпускающий открыл люк и жестом показал, чтобы я шел к нему. Самолет раскачивало, и мне пришлось держаться за обшивку. И вот уже я стою на самом краю, и чувствую ветер... Говорят, чтобы было легче прыгать, нужно смотреть в горизонт. Но я упрямо глядел вниз, туда, куда сейчас мне предстояло шагнуть. Там, за люком, были облака; но сейчас это был обычный, густой-густой, но все-таки туман. Земля делилась на квадраты и прямоугольники, пруд был маленьким синим пятнышком. Выпускающий держал меня за скобы на краю ранца, а у меня в голове одна мысль затмила все другие: все, деваться некуда, сейчас я сделаю это. Сейчас, вот сейчас, уже сейчас! Все, в следующую секунду! Вспомнилось, как заходит сердце на качелях, когда вы летите вниз. А сейчас я полечу еще ниже, и сердце зайдет так, как еще никогда не заходило. И может даже не выдержать! — «Пошел!!!» — услышал я над ухом. Так же как и Валера, я посмотрел на выпускающего, еще не веря до конца, что пора. — «Пошел» — повторил парень, глядя мне в лицо и улыбаясь. В ответ я тоже улыбнулся, перевел взгляд вперед, посмотрел вниз и оттолкнулся от борта. Станный момент — я замер в невесомости, мое тело ничего не весило. Это было прекрасно! В мозгу проносились цифры: пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два, пятьсот двадцать три... Пора, понял я, и со всей силы рванул кольцо так, что чуть лямка не треснула. В следующую секунду меня дернуло. Отогнув край кармашка, вытянул шнур запасного парашюта, и только потом догадался проверить, а точно ли мой основной парашют раскрылся. Мгновенно переведя взгляд вверх, убедился в этом, и ощущение счастья пронзило меня насквозь. Я сделал это, смог, решил!

Я летел и кричал во всю силу своих легких: «Я счастлив!» Солнце освещало все-все вокруг, свежий теплый ветер дул слева и я начал оглядываться, размышляя над тем, куда мне править. Увидев скопление строений, и обнаружив в том же направлении свой автомобиль, стропами начал корректировать свой полет. Тошнота еще усилилась. Боковым зрением увидел другой белый купол. Уже на земле я узнал, что двое человек не прыгнули. Вскоре я начал замечать, что земля ускорила свой набег на меня. Пришло время группироваться. Земля все ближе, ближе, удар... Я приземлился. И вдруг мир замер. Запах земляники стоял повсюду, он дурманил! Все поле было усеяно ягодами, красными маленькими капельками. И вдруг меня потянуло вперед. Порыв ветра тащил за собой мой купол, который я не погасил. В ответ я начал подтягивать нижние стропы, затем встал на ноги и потянул сильнее. Агония купола была недолгой, через несколько секунд он, недвижимый, лежал на земле. Я распрямился, стянул с себя шлем и отстегнул все карабины. Тяжесть в ногах пропала, а взамен нее появилось огромное ощущение свободы, счастья и покоя.

Собрав парашют в сумку, я закинул ее на плечо, взял в другую руку запасной парашют и направился к желтому флагу, в виде колпака, который показывал направление ветра. На базе я появился даже раньше Валеры, который подошел после, с растерянной улыбкой, таща в руке сумку. Сдав девушке по описи кольцо, шлем и два парашюта, мы принялись наблюдать за остальными. Белые купола были повсюду, двое спускались на двух куполах. Вскоре появились и те веселые ребята, на их лицах застыли улыбки. Все вместе прошествовали мы к вагончику, где нам выписали свидетельства о первом прыжке, а затем мы отправились в столовую, голод уже давно давал себя знать. Тошнота прошла там же, на поле, когда я только почувствовал запах ягод, поэтому ел с удовольствием. А когда сел в машину, завел мотор и поехал, то увидел ту компанию молодых людей; он открывали шампанское, игристое вино летело разноцветными каплями вверх. Я посигналил, и все замахали мне в ответ. По дороге к городу ехал уже другой человек, тот, прежний, остался в самолете, в стареньком, но бойком «кукурузнике», с синей полосой на борту.

Галина Ключникова
(г. Сергиев-Посад)

ТРИНАДЦАТЫЙ УРОВЕНЬ

Окончила Московский институт стали и сплавов. Работает в ЗАО «Художественные изделия и игрушки». Публиковалась в сборниках: «Братина», «Песня за отечество и веру», в литературном журнале «Форум». Автор поэтических сборников «Зачерпнуть в пригоршни лучей золотых» и «Полинкины стихи».

1

Кирилл проснулся от дикой головной боли. Боль шумела в ушах, наливая голову свинцовой тяжестью, больно было даже открыть глаза и оглядеться. Темно!

— Нина, Нина,— тихо позвал он жену.

Тишина. Нина не отозвалась. Осторожно высвободив руку из-под одеяла, мужчина нащупал на тумбочке у изголовья лампу и нажал на выключатель. Комната наполнилась неярким светом.

— Нина...

Кирилл понял, что Нины здесь нет. Он спал не у себя в спальне рядом с женой на их удобной широкой кровати европейского стандарта, а на узкой тахте в комнате сына. Вернее, эта комната предназначалась сыну, когда он подрастет, а пока это была и комната для гостей, и игровая, и кабинет одновременно, по мере необходимости.

— Почему я здесь? Перепил что ли? Нет, я же совсем не пью. Да и не помню, что же вчера было?

Он еще раз обвел комнату взглядом. Она была невелика и почти без мебели. Тахта, на которой он лежал, тумбочка у изголовья, узкий книжный шкаф в углу, музыкальный центр рядом и во всю ширину окна — компьютерный стол. Монитор подмигнул ему серым экраном:

— Ну, как наш тринадцатый уровень? Прошел?..

— Нина!!! — закричал Кирилл, переполошив квартиру, и потерял сознание.

2

— Кровоизлияние в мозг,— констатировал врач скорой помощи.— Собирайте, будем госпитализировать, он, что, много пил? Жаль. Такой молодой еще...

— Нет, он совсем не пил, он... он много играл в электронные игры. Компьютер и много всяких разных карманных... не знаю, как эта зараза называется...

— Ясно, — вздохнул врач,— чума 21 века.

Кирилла увезли, не позволив Нине поехать в больницу.

— Зачем Вам мучиться остаток ночи. В себя он придет не скоро, если вообще придет. Номер больницы я Вам назвал, утром позвоните, узнаете в какой он палате. Положение у него пока стабильное, так что, оставайтесь дома. Дети-то есть?

— Двое. Дочка и сын, семь лет дочке и четыре сыну.

Доктор сочувственно посмотрел на женщину, успокаивающе похлопал по руке, вздохнул и вышел из квартиры вслед за санитарями, уносившими мужчину из дому, возможно, навсегда.

— Не жилец! — кинул он водителю. — Поехали в сорок восьмую клинику.

— Алкаш?

— Хуже, Игрок!

Нина присела за кухонный стол, опустив руки в ладони.

— Ну, вот и все, вот и все, — билась в виски одна и та же мысль. — Маме позвонить? Нет, лучше утром, зачем сейчас будить...

— Успокойся, я сейчас чай согрею, — Валентин тихо подошел сзади и приобнял за плечи.

Она повернулась к нему и улыбнулась. Улыбка получилась нерадостная, горькая.

— Я ему такого не желала!

— Никто не желал. Он сам выбрал свою судьбу! Ты и так с ним намаялась. Пей чай и успокойся.

Валентин принес плед из комнаты, заметив, что Нину колотит нервная дрожь, укрыл ей плечи. Потом взял ее руки в свои и стал согревать их дыханием. А Нина погрузилась в воспоминания.

3

Два друга Кирилл и Валентин ухаживали за Ниночкой с первого курса. Она, студентка Института Культуры — будущий искусствовед, они — студенты МАДИ. Ухаживали красиво, с выдумкой, развлекая ее, зазывая в свои студенческие компании с гитарами и шашлыками, с байдарками и шумными реками, с Новым годом в Крыму. За три года она побывала в стольких местах, увидела столько нового и интересного, сколько не видела за свои семнадцать лет. Поначалу, ей нравились оба парня, и она не могла остановить свой выбор ни на одном из них. Но потом, она поняла, что любит Кирилла. Парень был детдомовский, жил в общежитии, ей все чаще и чаще хотелось приласкать его, пойти с ним в магазин и выбрать ему достойную одежду, привести в порядок его красивые, чуть выющиеся, черные, как смоль, волосы. Кирилл был красив. Высокий, голубоглазый, усатый. Валентин тоже был красивым, но совсем другой. Единственный сын состоятельных родителей, ухоженный и хорошо одетый, он контрастировал со своим другом во всем: блондин среднего роста, спортивно сложенный. Его зеленые глаза всегда были серьезны, даже, когда он смеялся и шутил. Всегда гладко выбрит и организован. Нине показалось, что в семейной жизни он станет педантом и занудой. На третьем курсе она вышла замуж за Кирилла. Ее отчим подарил им на свадьбу прекрасную трехкомнатную квартиру в новостройке. А Валентин был на свадьбе свидетелем, весь вечер, оберегая ее, не позволив даже шуточного «похищения невесты».

Семейная жизнь потекла безоблачно и счастливо. Они защитили дипломы и устроились на работу. Через полгода после защиты Нина родила девочку. Валентин поступил в аспирантуру в своем институте, а Кирилл с удвоенной энергией принялся делать карьеру в своей фирме. Он любил своих девочек и хотел, чтобы они ни в чем не нуждались. Нинин отчим, в чью фирму и поступил работать Кирилл, всячески поддерживал стремление зятя и дал его карьере «зеленый» свет. Когда девочке исполнилось три года, на свет, к великой радости папы и деда, появился сын. Вот тогда в семье и появился тот роковой подарок.

Маленькая Лидочка радовалась братику, как новой игрушке, Кирилл, казалось, лопнет от гордости — сын Максим, продолжатель рода! А отчим, в качестве подарка

новорожденному, притащил навороченный компьютер, сразу с подключением к Интернету.

— Пусть внучок с пеленок к прогрессу приучается, с компьютером управляться научится раньше, чем ходить и говорить. А пока, ты, Ниночка, его осваивай.

— Да что мне его осваивать! Что я с компом обращаться не умею, что ли? Да я, пока работала, от компьютера не отходила, да и Кирилл весь рабочий день возле него сидит.

— Так то на работе, а то дома. Тут тебе связь со всем миром!

В итоге все пришли к общему знаменателю, что подарок «здоровский», благодарили Сергея Петровича и весь вечер лазали по Интернету, выискивая всякие приколы, музыку, фото, фильмы и игры.

Когда Кирилл наткнулся на эту злополучную игру, Нина не знает. Однажды он предложил ей поиграть в игру с интригующим названием «Последний стон цивилизации, или возвращение Акваториана». Нина прошла первых два уровня, игра ей быстро надоела. Она была почти однообразна, занимала много времени и еще, что больше всего Нине не понравилось, была очень жестока и сделана так натурально, что вызывала у женщины страх.

— Ерунда какая-то! Где ты такое взял? Она же жутко жестокая. Ты в нее не играй.

Но Кирилл увлекся ею настолько, что с Ниной разговаривал только о ней, счастливо сообщая, что удалось пройти очередной уровень.

— Ничего,— думала Нина,— вот закончит ее и снова станет прежним.

Кирилл быстро прошел двенадцать уровней, а на тринадцатом, последнем, застрял. Он забыл обо всем на свете: о Нине, детях, доме, постепенно превращаясь в «зомби». Нина пыталась ругаться с ним, уговаривала, напоминала о детях, но мужа не интересовало ничего, кроме проклятого тринадцатого уровня.

— Нинок, потерпи немножко. Мне чуть-чуть осталось. Вот пройду его и все! Честно, больше никакую игру начинать не буду!

— Ну, пройдешь, и что? Что изменится? Ты что, разбогатеешь, помолодеешь или станешь более счастливым? Дети без тебя растут, видят только спину твою за компьютером!

— Все, Нин, не мешай, иди, спи, я скоро!

— Кир, мне завтра Максимку на прием к врачам везти надо, отпросись с работы.

— А? Хорошо, хорошо... Иди, не мешай.

Назавтра он, конечно, обо всем забывал, и Нина, не дождавшись мужа, звонила отчиму или Валентину с просьбой отвезти ее в поликлинику.

Валентин не раз пытался говорить с Кириллом, но тот все глубже погружался в виртуальный мир. Теперь он играл не только дома после работы, но и, купив карманный вариант какой-то игры, в метро и даже на работе. Карьера его пошла под гору, но он, кажется, этого даже не замечал. Последний год в фирме он присутствовал только номинально, его не увольняли только потому, чтобы не расстраивать Нину, которая думала, что хотя бы на работе он занимается делом. Он превратился в робота, который, позавтракав, бежал к метро, с упоением нажимая на кнопки. В офисе, воровато оглядываясь, включал рабочий компьютер, делая вид, что занят работой, продолжал лихорадочно жать на кнопки, увлекаясь и, в конце концов, ничего и никого не замечая вокруг. Он перестал обедать, а вечерами, возвратившись домой, с жадностью съедал ужин и перемещался к компьютеру, к своему, никак не поддающемуся, тринадцатому уровню.

Нина следила за его одеждой, покупая ему вещи без примерки. Особенно сложно было с обувью, но потом, купив однажды удачные туфли и зимние ботинки, она купила их несколько пар сразу, чтобы не мучиться потом в поисках подходящей обуви.

А Кирилл не замечал ничего, ни подросших детей, ни похорошевшей жены, ни поселившегося в их доме Валентина.

Он играл до тех пор, пока его мозг не отключался. Кирилл выключал компьютер и падал на узкую тахту, иногда даже не раздеваясь. Со временем, когда Нина поняла, что в спальню муж так и не вернется, она стала расстилать ему постель на тахте.

А Валентин помогал Нине растить детей, водил Максимку в бассейн, и Лидочку первый раз в первый класс повел тоже не папа, а Валентин рядом с Ниной.

Дети постепенно поняли, что папа Кирилл занят, а вот папа Валентин всегда рядом. Он поможет починить сломавшуюся машинку, сварит вкусную кашу, погуляет на площадке и научит кататься на велосипеде.

Полгода назад Нина сказала Кириллу, что подала документы на развод. Но он лишь кивнул, едва ли осознавая сказанное. На два уже состоявшихся суда Кирилл, естественно, не явился, хотя и был уведомлен Ниной, а третий, который был назначен в следующем месяце, должен был развести их. Конечно, Нина обращалась к психиатрам, но те ничего не могли поделать без доброй воли Кирилла, который не считал себя больным. А на принудительное лечение Нина не решалась, не веря в его действенность. Она не раз ломала компьютер, но все сводилось лишь к тому, что Кирилл либо ремонтировал свою «игрушку», либо покупал новую, тратя значительные средства семейного бюджета.

Как они будут жить после развода, Нина представляла с трудом. Уходить Кириллу некуда, да и одного его оставить в квартире нельзя. Он или умрет от истощения и голода, или превратится в нечто немытое, нестиранное и нечесаное, забудет про работу и деградирует окончательно. Жить так, как они жили последний год, Валентин, став законным мужем, вряд ли согласится. Нелепо все! Тупик!

И вот, теперь, когда, казалось, все было решено, когда Нинина мама согласилась присматривать за Кириллом после развода, когда после беспросветной боли и разочарования забрезжило счастье, он позвал ее, Нину! Разве сможет она теперь оставить его, когда ему снова надо учиться ходить, говорить и жить...

Валентин внимательно смотрел на Нину. Он любил ее давно и неизлечимо. Он понимал каждый ее взгляд, каждый жест и каждую морщинку.

— Что ты еще надумала? Конечно, мы не оставим его, найдем врачей и сиделку, сделаем все, чтобы поставить его на ноги. Но ты пойми, он уже не тот человек, который был моим другом, и за которого ты выходила замуж. Да и дети давно уже — мои дети, а не его. Он едва ли помнит о них, и давно забыл, сколько им лет...

Нина уткнулась Валентину в плечо и горько заплакала.

Зазвонил телефон.

— Алло... да, квартира Забелиных. Кто я? Друг! Что??!!

Пик... пик... пик...

Они долго сидели на кухне, обнявшись и не разговаривая, трубка, которую Валентин почему-то забыл отключить, пикала, а вода в кране капала редкими каплями, сопровождая их рыдающим сердцем.

Роман Романов
(г. Тула)

В ПРИБЫТКОВО

Публикуется с 1986 года в армейской, центральной и тульской прессе, в литературных сборниках «За жизнь» и «На крыльях Пегаса», член литобъединения «Пегас».

Нестарым было еще селение Прибыtkовo, что на Унд-озере. Всего пять сотен лет насчитывало, и жителям его такой срок считался юностью. Их количество никогда не изменялось — кто-то уезжал на заработки или по своим делам, а кто-то возвращался. Один них кажущийся необщительным инженер-механик, выпускник провинциального вуза Игорь Дашков поселился на время в доме местной доброй колдуньи, костоправки и травницы бабушки Мани. От здешнего лодочника Елисея старожилы знали о первом случае появления здесь Дашкова.

— В ту ночь в окно моего дома постучали,— с легкой хрипотцой говорил Елисей.— Выглянув, я увидел на крылечке двух утомленных дорогой молодых людей. Девушка опиралась на плечо парня, а тот протянул мне холодную, будто отлитую из хрусталя красную звездочку. Я знал об этом знаке из древней легенды, слышанной еще моим прадедом, и я знал, как поступить. Пригласив путников в дом, и, как следует, угостив их, пошел готовить лодку. Вскоре мы направились темной гладью озера к островку. Здесь я открыл потайной люк, зажег фонарь и пригласил гостей пройти по винтовой лестнице вниз. Сам же пошел следом — так требовали обстоятельства. Вскоре мы оказались в пустынном, отделанном гранитом тусклом подземелье. Но вскоре здесь вспыхнул свет, молчаливые камни покрылись золотыми и серебряными узорами, а из-под потолка полилась приятная музыка. Постепенно она становилась все громче, а потоки света усиливались. Кружащие в свободном полете влюбленные постепенно превратились в звезды и поднялись через люк вверх. Вскоре исчезло и видение. Я вышел на поверхность и увидел, что на небосводе блистали две крупные яркие звезды. Мне они показались своеобразными проводниками новых влюбленных пар. Так исполнилась очередная часть легенды, по которой все по-настоящему любящие люди должны попасть в Дом Счастья. Вскоре я вернулся домой.

Теперь он явился один, и о вдовце знали, что к нему являлись иногда гости, с которыми он то долго разговаривал в своей комнате, показывая какие-то чертежи и расчеты, а то и пропадал с ними по несколько недель в лесу или на болотах. Так они решали появившиеся проблемы политического, социального, а то и магического свойства. Иногда ему приносили для оценки потусторонних свойств то небольшие куски агата или выброшенные на берег огромные слезинки соснового леса — янтаря. А недавно Дашков вернулся с новооткрытой, граничащей с Ураном планеты, где утихомиривал разбушевавшиеся магнитные смерчи, о чем рассказывала бабушка Маня. Как раз после этого у порога его пристанища появился престижный внедорожник.

— Игорь, беда! — увидев на пороге Дашкова, вскричал владелец машины.

— Что случилось? — спросил инженер, усаживая гостя за стол и сам устало опускаясь на табурет.

— Я больше не получу депутатского мандата. Это стало мне известно из компетентных источников. Куда идти? Многие НИИ закрыты из-за отсутствия финансирования, а в другие я не пристроюсь даже заместителем заведующего лабораторией. Предприятия закрыты, тресты и главки упразднены, в министерствах тоже сокращения. И кому я теперь нужен с дипломом Бауманского института и двумя диссертациями?!

— Займись коммерцией, — посоветовал ему Дашков.

— Торговать газетами с лотка? Товарами по пять и десять рублей? Боже упаси! Не для того учился, чтобы уподобиться бабкам с рынка! Тебе об этом скажет любой человек моего уровня и престижа. Максимум через полгода попаду в подставу и буду зону нюхать. А это мне нежелательно — не диссидент и не узник совести, поди, да и мода на это вышла. Мне бы место руководящее и блага по статусу. Выручай, старый друг! Я же знаю — ты можешь все. Отблагодарю — сам знаешь. Любое место в столице сделаю!

Много раз слышал подобные предложения Дашков и если бы захотел — добился бы большего и без посторонней помощи, но вместо этого предпочел скромную жизнь в Прибытково. Сейчас же, обдумав предложение, он сказал:

— Во время последнего своего полета я узнал, что на той планете готовится акция под контролем межгалактического разума. В нашу техногенную цивилизацию собираются ввести серьезные гуманитарные поправки, что может принести нам небывалый расцвет. Техника будет все-таки использоваться для облегчения физического труда, и мы упорядочим неизвестно куда идущий прогресс. И для тебя может найтись там работа, место на корабле. Полетим? — предложил Дашков.

«У-у-у! Провинциал-синедипломник! Чтоб я так трудился?! Не бывать этому! Попался бы ты мне в иное время! Да, жаль, он знает, что начинал я простым колхозником и попал в сельсовет лишь благодаря знанию кому и сколько положить гостинцев в багажник машины. Но чтобы это заработать — приходилось таскать со станции комбикорм», — подумал гость, желая при этом грохнуть кулаком по столу, но сдержался и отказался.

А Игорь Дашков вскоре улетел на новую планету, и, говорят, добился там неплохих результатов. Его друг тем временем занял кресло заместителя директора техникума целлюлозно-бумажной промышленности, где-то на Сахалине. Что же ждет их дальше?

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

КУМОВЬЯ ИЗ ЛЕЖЕПЕКОВКИ

На автобусной остановке было немногочисленно. Полуглухая бабка Дарья, отвозившая почти ежедневно дочери в город молоко, почтальонша Лида, два брата-близнеца Андрей и Валерий, которые уезжали в город просто так поболтаться, спешивший на рынок, чтобы успеть продать деревенские творог и сметану, Чернухин Николай и провожавший жену Лежепеков Иван Васильевич. Автобус запаздывал, и Иван Васильевич в который раз запыхтел папиросой.

— Чай, не будет нынча автобуса-то? — непонятно кого спросила бабка Дарья.

— Должен быть, — выдохнул дымом Иван.

— Как говоришь? Не будет? — переспросила Дарья.

— Будет, будет, — махнул рукой Иван.

— А кто же тебе говорил, что не будет-то? — насторожилась Дарья.

— Да будет, говорю тебе! — громко крикнул Иван.

— Что, ай рейс сняли? — не унималась бабка.

— Да ну тебя, — махнул рукой Иван и, отбросив щелчком недокуренную папиросу, повернулся к жене. — Надюшке скажи, пусть за Ромку не переживает, ему у нас хорошо будет, а то лето заканчивается, а он все в городе сидит, пылью дышит. Скажи ему, что дед удочки сделал, будем с ним на рыбалку ходить. Сама-то долго у них не задерживайся, знаешь ведь — хозяйство у нас.

— Что мне у них задерживаться? Через день вернусь, — ответила ему жена Мария Игнатьевна, или как ее называли в деревне, Маруська. — Внука заберу и сразу вернусь. Ты здесь, когда без меня будешь, смотри не вздумай...

— Надысь не было автобуса-то, — перебила ее Дарья. — Тамарка хотела в город съездить, а рейс сняли, так и возвратилась обратно.

Со стороны поселка, прервав все разговоры, показался автобус, и стоявшие на остановке люди засуетились. Кто полез в сумку, чтобы еще раз удостовериться, не забыли ли чего из гостинцев, а кто — в карманы, проверяя, на месте ли кошелек и портмоне.

Проводив жену, Иван направился к своим кумовьям — Петру Захаровичу и Людмиле Викторовне Лежепековым. Надо отметить, что фамилию Лежепековы носила большая часть деревни, да и сама деревня тоже называлась Лежепековкой.

Иван вошел в дом, Петр сидел за обеденным столом и пил чай с малиновым вареньем.

— Утро доброе, хозяйева, — поздоровался Иван с порога.

— Здравствуй, кум, — ответила ему вышедшая из комнаты Людмила, — садись за стол, я тебя чаем напою.

Вспотевший от горячего чая Петр, отхлебывая из блюдца ароматный янтарный напиток, молча протянул руку для рукопожатия. Иван присел рядом с Петром.

— Проводил Маруську-то? — спросила Людмила, наливая Ивану чай в блюдце.

— Проводил, поехала за внуком.

— Когда вернется?

— Обещала через день, а там кто ее знает...

— Надежда не приедет?

— Нет. Они с мужем в дом отдыха уезжают, а Ромку нам решили отправить.

— Ну и правильно, ему здесь будет хорошо, да и вам с Маруськой веселее.

— Это точно. Здеся вон, какое раздолье, не то, что в городе,— проговорил Иван, ставя блюдце на стол.— Будем с ним на рыбалку ходить, да и Петра твоего с собой возьмем. Пойдешь, Петь, с нами рыбу ловить?

— Угу,— ответил Петр, облизывая ложку с вареньем.

— Какая вам рыбалка? — засмеялась Людмила.— Вы уже один раз сходили. Помнишь, Вань, как ты Петра моего на рыбалку пригласил?

— Это когда же?

— Ну, когда вас рыбинспектор поймал, бумагу составил на Петра, а сеть-то твоя была. Как деловые, взяли с собой удочки, сачки, ведра, а результат какой? Надрались пьяные, как свиньи! Вижу, Петро мой идет, а сам еле-еле ногами переступает, да еще на плечах что-то тащит. Я обрадовалась, думала, это он целый мешок рыбы несет, подошла посмотреть, а это ты, Вань, у него на закорках пьяный спишь.

— Было-то один раз, а ты нас уже свиньями обзываешь! — обиделся Петр на жену.

— Один раз?! — округлила глаза Людмила.— А штраф за сеть поехали в город платить? Опять напились до такой степени, что в вытрезвитель попали. А в Москве что натворили, забыли уже?

— Что мы там натворили? — уставился на Людмилу Петр.

— Ничего,— поддержал кума Иван.

— Ничего? Это вы считаете — ничего? Да мы с Маруськой чуть в больницу не попали с сердечными приступами, когда к нам ночью милиция приехала. Ночь на дворе, а вас все нет и нет. А тут милиция! Мы подумали, что вас уже в живых нету! А они давай с нас протокол допроса снимать, а оказалось, что вас в Москве в КГБ забрали.

Кумовья переглянулись. Вспомнили, как поехали они как-то в застойные годы в Москву за колбасой. Набрали полные сумки продуктов и решили сходить Красную площадь посмотреть. А там мавзолей работал.

— Слушай, Петро, давай в мавзолей сходим, Ленина поглядим? — обратился Иван к куму.

— Не, я мертвецов не люблю смотреть,— отказался Петр,— вот у меня, когда теща померла, я даже на похороны не пошел.

— Ты сравнил — теща твоя или Ленин!

— А что Ленин? Ты знаешь, что там не Ленин лежит?

— А кто же? — удивился Иван.

— Кто? Мумия, вот кто!

— Какая мумия?

— Обыкновенная. Смотрел по телевизору, передачу показывали о мумиях?

— Нет.

— Вот то-то и оно, что нет! В Египте в гробницах и склепах лежат мумии фараонов и их жен. Лежат они много лет, а не портятся, как обычные покойники...

— Да ну тебя с твоими фараонами! Ты идешь в мавзолей или нет?

— Нет.

— Ну, тогда стой с сумками, а я схожу.

— Вань, может не пойдешь? На кой ляд он тебе сдался? Пойдем лучше пивка перед дорогой попьем.

Иван махнул рукой и пошел в мавзолей. В середине зала, проходя мимо мирно

лежавшего вождя мирового пролетариата, Иван не смог сдержать своих эмоций и обратил взор на какого-то человека, молча стоявшего в стороне.

— Во! Видал? Как живой лежит?! А Петька брешет, что это не Ленин, а этот, как его? Фу ты, забыл, ну? А во, вспомнил, это, фараон!

Когда Иван выходил из мавзолея его задержали два здоровенных молодых человека. Показали ему маленькие красные книжечки, и повели к быстро подъехавшей черной «Волге». Петр увидел это.

— Эй! Мужики! Куда вы его тащите? Это мой кум Иван, у нас электричка через час!

— Меня забрали, Петро в милицию! — крикнул растерявшийся Иван.

— А как же вещи-то? — развел руками Петр. — Я тебе говорил: на кой ляд он тебе был нужен, этот Ленин? Попили бы пивка да поехали спокойно домой!

Петра усадили в машину рядом с Иваном и привезли на какую-то квартиру, где похожий на известного киноартиста мужик весь оставшийся день беседовал с ними, объясняя, что любовь к Родине начинается с любви и уважении к умершим людям, на что Иван и Петр соглашались, а Петр вдобавок говорил, что он очень любит свою Родину и очень уважал безвременно покинувшую этот бренный мир тещу. Отпустили их ближе к ночи. А на следующее утро уже вся Лежепековка знала, что Ивана и Петра Лежепековых в Москве арестовали кагэбэшники, потому что они оказались иностранными агентами.

— А ночью-то в их домах обыски делали, — рассказывала собравшимся у деревенского колодца людям бабка Хрычиха. — Нашли оружие, деньги заграничные и в сене радиостанцию.

— Да! — вздыхали деревенские жители. — А прикидывались порядочными людьми!

Вспомнив этот случай, кумовья заулыбались. Поблагодарив хозяев за угощение, Иван, перед тем как уйти, незаметно подмигнул Петру, и он вышел за ним на улицу.

— Приходи сегодня вечером, — полусшепотом проговорил Иван, — у меня бражка поспела, Маруська заквашивала, самогоночки выгоним да посидим по-человечески, пока Маруски нету.

Когда над деревней стали сгущаться сумерки, Петр, сказав жене, что пойдет проверить в сарае электропроводку, напрямик направился к Ивану.

Самогонный аппарат, состоявший из сорокалитрового металлического бидона из-под молока и огромного бака со змеевиком, стоял на печи, в которой, образуя жар, потрескивали поленья дров. Из вмонтированного в бак самоварного краника в банку тонкой струйкой сбегал самогон.

— Что ты так долго? — спросил Иван у вошедшего Петра.

— Ты же знаешь мою Людмилу! — развел руками Петр, — насили убежал от нее. Ну, что тут у тебя?

— Во, видал? — указал Иван рукой на банку с самогоном. — Чистая, как слеза младенца.

— Давай наливай, а то, как бы моя Людмила не заявила.

Налили и, звякнув стаканами, выпили.

— Хороша! — крикнул Петр и отломил корку хлеба.

— Первак! — похвастался Иван, а затем встал из-за стола и сунул руку в бак со змеевиком. — Ты вот что, — обратился он к Петру, — возьми в терраске два ведра и сходи к колодцу принеси воды, надо в бак долить, а я пойду на огород и сорву на закуску лук и огурчик.

Петр взял ведра и пошел за водой. Набрав в колодце воды, он, вернувшись, переступил порог дома и остановился в нерешительности. Рядом с самогонным аппаратом на табуретках сидели два милиционера. Петр быстро пошел к выходу.

— А ну, стой! Иди сюда! — громко скомандовал один из милиционеров, тот что был постарше и с капитанскими погонами на плечах. — Ты хозяин?

— Нет, — честно ответил Петр, — Иван.

— Как фамилия? — спросил второй, что помоложе, с сержантскими лычками на погонах, и, достав из кармана записную книжку, открыл нужную ему страницу.

— Чья? — переспросил Петр.

— Твоя, чья же еще?

— Лежепеков.

— Точно, Федорыч, Лежепеков, — обрадовано заговорил молодой, обращаясь к капитану и показывая ему что-то в записной книжке, — вот написано — Лежепеков.

— Иван-то где? — растерянно спросил Петр и осмотрел взглядом комнату.

— Иван-то? — милиционеры переглянулись. — А Иван к Марье ушел, — ухмыльнулся капитан.

— Как ушел? — удивился Петр. — Она же в город уехала.

— Кто уехала? — переспросил капитан.

— Марья, ну Маруська.

— Какая Маруська?

— Иванова жена, — кивнул Петр.

— В город, значит? — заулыбался капитан.

— Да, в город. За Ромкой. А он что, за ней в город пошел?

— Кто — Ромка?

— Да нет. Ромка — он в городе живет, а я имею в виду Ивана.

— Какого Ивана? — милиционер перестал улыбаться.

— Как какого? — заулыбался Петр. — Марушкиного.

— Марушкиного, значит?

— Ну да. Мужа ее.

— А Маруська, стало быть, поехала в город? — у милиционера задержалось веко.

— Да, за Ромкой.

— Значит, за Ромкой, говоришь?

— За ним, — кивнул Петр, — а что, Иван-то вам не сказал?

— А может, это не Маруська поехала? — закричал капитан. — Может, это твоя крыша поехала? Дурачка решил из себя строить? Я тебе сейчас покажу Ромку! И марью с Иваном покажу! Ты у меня посмотришь, как дурачка из себя корчить! Ты у меня покорчишь! Ты их у меня всю жизнь помнить будешь! — кричал вышедший из себя капитан.

Петр испугался. Он не мог понять. Почему на него рассердился милиционер.

— Ты думаешь тут что, дурачки перед тобой стоят?

— Да не, — замотал головой Петр, — не дурачки.

— А вот увезу тебя сейчас на пятнадцать суток, там ты будешь у меня пропавшую Маруську искать, — продолжал ругаться милиционер.

— Как пропавшую? — у Петра перехватило дыхание, округлились глаза.

— Вот так, — капитан погрозил Петру кулаком.

«Так вот оно что! — осенила Петра страшная догадка. — Маруська пропала! Конечно, поэтому и милиция здесь, а Иван, значит, ее искать пошел. Ну и ну!».

— Товарищ капитан, господин начальник! Вы не ругайтесь, — скороговоркой заговорил Петр, — я же не знал, что она пропала. Вот это да! А до Надежды-то она доехала или еще не успела?

— Кто?

— Маруська, то есть, ну, Марья, значит.

Милиционер подошел к Петру и в упор, не мигая, стал на него смотреть. Глаза у него сузились и стали злыми, лицо покрылось красными пятнами, как у деда Платона, когда он выпивал самогонки.

— Федорыч, дай я его дубинкой огрею, чтобы он знал с кем шутки шутить! — проговорил сержант и двинулся на Петра.

— Не надо! — остановил его Федорыч. — Не надо. Пусть пошутит. Может быть, и впрямь суток на пятнадцать нашутит.

Петр замолчал. Он был в растерянности и совершенно ничего не мог понять.

— Гражданин Лежепеков? — взял себя в руки капитан.

— Да, только я Маруське не муж — Иван муж, а я им кумом прихожусь.

— Федорыч, а, может, он и вправду того? — молодой милиционер повертел указательным пальцем у виска.

Капитан посмотрел на Петра, а затем перевел взгляд на своего помощника.

— Ладно, шут с ним. Давай, начинай протокол составлять.

Сержант достал из папки лист бумаги, разложил его на столе и начал что-то записывать.

— Ну что, Лежепеков, самогончой-то балуемся? — спросил капитан у Петра.

— А как же? Если хорошая, своя, какой мужик откажется? — заулыбался Петр. — Да и вы сами-то, наверное, не откажетесь от рюмочки-другой?

— Так, ладно, надоело мне твои шутки-прибаутки. Я тебя спрашиваю, шутник, давно самогонварением занимаешься?

— Так вы по поводу самогонки пришли?

— А ты думал зачем мы здесь? По поводу самогонки, а без повода мы не приходим.

— Так вот оно что?! А Маруська не пропадала?

— Слушай, ты, еще раз слово «Маруська» произнесешь, я тебя в отделение милиции увезу.

— Так вы же сами сказали.

— Что я сказал? — закричал милиционер. Нижняя губа у него затряслась, лицо побелело.

— Это Марусь... — хотел было сказать Петр, но вовремя вспомнил предупреждение капитана, — что она пропала.

— Когда?

— Ну, я не знаю, когда. Наверное, сегодня, она же сегодня уехала.

— Кто уехала? — капитан вновь подошел к Петру, заглянул в глаза.

— Марусь... — Петр запнулся, — она — жена Ивана.

— Я спрашиваю, когда я говорил такое?

— Когда я пришел давеча с ведрами. Вы сказали, что Иван ушел к Марье.

— Это пословица такая, придурок, пословица, понял? Иван да Марья — понял?

— Понял.

— Ну, а раз понял, вот тебе лист бумаги, садись и пиши объяснение на имя начальника милиции.

Петр написал объяснение и отдал лист бумаги милиционерам.

— Самогонный аппарат и самогон мы забираем для проведения экспертизы, — сказал сержант, убирая документы в папку, а капитан подошел к Петру.

— Ну что, шутник, какая у тебя пенсия? Большая?

— Да нет, не очень.

— Скоро тебя на комиссию вызовут и оштрафуют за самогонварение.

— Большой штраф-то?

— Когда вызовут, тогда и узнаешь. Тогда моя очередь наступит над тобой смеяться. Вот тогда я пошуткую! — капитан поднял вверх руку и зачем-то повертел из стороны в сторону указательным пальцем.

Когда милиционеры ушли, Петр вышел на улицу.

— Иван? — позвал он кума, но ответа не последовало. — Иван? — в вечерних

сумерках стояла тишина, нарушаемая шумом ветра, трепавшего из стороны в сторону ветви деревьев.

Не дождавшись ответа, Петр решил обойти вокруг дома.

— Петро! — услышал он шепот из кустов малины. — Петро! Милиция ушла?

— Ушла, — ответил Петр, всматриваясь в темноту.

Из малины вылез Иван.

— А я думал уже не дождусь, когда они уйдут. Пошли в дом, что мы на улице стоим?

Вошли в дом.

— Самогонный аппарат забрали, — проговорил с грустью Петр.

— Да, — протянул Иван, — теперь мне от Маруськи достанется за аппарат.

— Пойду я, Вань, домой. Меня Людмила уже, наверное, заждалась.

— Погоди, у нас еще немного самогонки осталось, я в буфете бутылочку спрятал.

Выпили и, не закусывая, задымили папиросами.

— Зря, Петро, ты им самогонный аппарат отдал, — проговорил захмелевший Иван.

— Дык, что же мне с ними, драться нужно было, что ли?

— Это меня не было! Я бы им показал, где раки зимуют! Они у меня из дверей повывлетали бы! Не с тем связались! — разгорячился вмиг осмелевший Иван.

Петр встал и молча, не прощаясь, ушел домой.

Прошло больше месяца, когда в дом Лежепекова Ивана Васильевича вошла почтальонша Лида.

— Дядя Ваня, вас в город вызывают на заседание комиссии, вот повестку прислали, — проговорила она, протягивая Ивану серый лист бумаги с темным оттиском печати.

На заседании недавно созданной административной комиссии по правонарушениям при администрации города были вызваны люди, допустившие незначительные административные правонарушения. Нарушившая правила перехода через дорогу женщина, не пожелавший зарегистрироваться приехавший гость из Азербайджана, находившийся в общественном месте в пьяном виде молодой человек, мужчина, выгуливавший свою собаку во дворе дома без намордника и поводка. Ивана Лежепекова на заседание комиссии вызвали под конец ее работы, когда в приемной, кроме печатавшей на компьютере молодой девушки, никого не было. Иван не без волнения вошел в кабинет. За длинным, покрытым зеленой скатертью столом, восседало несколько человек, мужчин и женщин. Перед каждым на сукне лежал чистый лист бумаги.

— Ваши фамилия, имя, отчество? — спросил председатель комиссии, грузный мужчина в галстуке и очках.

— Лежепеков Иван Васильевич.

— Знаете, зачем вас вызвали на заседание комиссии?

— Нет, — ответил Иван.

— Владимир Павлович, зачитайте имеющийся материал на Лежепекова, — обратился председатель к сидевшему за столом человеку в милицмейской форме с подполковничьими погонами на кителе.

Подполковник милиции поднялся из-за стола, застегнул не по размеру маленький китель, поправил очки и, взяв бумагу, начал читать: «Гражданин Лежепеков Иван Васильевич изготавливал самогон, а также хранил у себя по месту жительства самогонный аппарат»...

— Было такое, Лежепеков?

— Никак нет, товарищ начальник.

— Как же нет? — удивился милиционер. — Пятого августа у вас в доме работники милиции были?

— Нет. Пятого августа мы с женой Марьей, ездили в город к дочери за внуком, а вернулись только на следующий день,— соврал Иван.

— Подождите, подождите,— заговорил милицейский начальник,— вот же объяснение в материале имеется,— он стал переворачивать лежавшие на столе бумаги.

— Товарищ начальник, я не писал никакого объяснения,— развел Иван руками.

— Владимир Павлович, прочтите объяснение Лежепекову,— обратился председательствующий к милиционеру.

«Пятого августа я, Лежепеков Петр Захарович, вечером пошел за водой к колодцу,— начал читать подполковник милиции.— Набрав в ведра воды, я увидел, что у Лежепекова Ивана в доме горит свет. Я удивился: кто бы это мог быть? В этот день Лежепековы Иван Васильевич и Мария Игнатьевна с утра уехали в город к дочери и попросили меня присмотреть за домом. Мы с ними доводимся кумовьями, и я знал, что Лежепековы из города должны были вернуться только на следующий день. Я пошел проверить, кто находится в доме? Войдя в дом Лежепекова Ивана, я увидел, что на кухне около печи на табуретках сидят два милиционера и гонят самогон. Самого Ивана дома не было, и я удивился: как это они без его разрешения вошли в дом, да еще начали там гнать самогон...»

Милиционер перестал читать и, держа в руках листы бумаги, молча стал смотреть на Ивана. Сидевшие за столом члены комиссии засмеялись.

— Постойте, товарищи,— обратилась к сидевшим за столом членам комиссии женщина с модной прической.— Мы вызывали на заседание Лежепекова Ивана Васильевича, а объяснение написано Лежепековым Петром Захаровичем. Как это понять? — обратилась она к подполковнику.

Тот снял очки, вытер носовым платком вспотевший лоб и обратился к Ивану.

— Вы Иван Васильевич?

— Да.

— А кто это писал? — спросил подполковник, потрясая бумажными листами.— Кто такой Петр Захарович?

— Петр Захарович мой кум. Мы с ним раньше в колхозе работали, а потом, когда...

— Он вам рассказывал, что у него милиционеры отбирали объяснение?

— Нет, о том, что они у него чего-то там отобрали, он не говорил, а говорил, что, когда пришел в мой дом, они заставили его писать записку, как было дело с этим самогоном.

— Ладно, товарищи,— поднялся из-за стола председательствующий.— Я считаю, что материал собран недостаточно и непрофессионально. Милиционеры даже не удосужились прочесть написанное гражданином объяснение,— при этом он посмотрел на подполковника, заместителя начальника городской милиции.— Неясно, кто же изготавливал самогон: Лежепеков Иван, Лежепеков Петр или, действительно, сами милиционеры? — заулыбался председательствующий.— Сам же материал к нам на рассмотрение поступил с опозданием. Пересматривать его и вызывать Лежепекова Петра мы, к сожалению, не сможем. Истекли сроки давности наложения административного наказания. Так что вы, Владимир Павлович, лучше обучайте своих подчиненных, а вы, Иван Васильевич, идите домой.

Возвращаясь в Лежепековку, Иван Васильевич не переставал удивляться сообразительности кума Петра. «Ай, да Петька! Ай, да кум! Надо же: и сам выкрутился и меня выручил. Золотая голова, прямо-таки Дом Советов. Сегодня же поллитровку поставлю. Не смогут теперь наказать-то за самогон! Вот только самогонный аппарат жалко, да от жены за него здорово досталось. У них, у жен-то, сроков давности не бывает».

